Дарья Снежная

Роли леди Рейвен

Том 2

18+

Дарья Снежная

Роли леди Рейвен. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Снежная Д.

Роли леди Рейвен. Книга 2 / Д. Снежная — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Поступая на криминалистический факультет, леди Эрилин Рейвен мечтала о том, о чем и положено мечтать одаренному криминалисту: о раскрытых преступлениях, о звонкой славе первой леди в отрасли и всеобщем уважении. Вот только начальство упорно желает поставить на этих планах крест, маньяк отказывается ловиться, а связь с главой департамента вместо того, чтобы облегчать леди работу, только добавляет проблем. Впрочем, ей ведь не привыкать преодолевать препятствия самого разного толка, верно? Двухтомник. Для обложки использованы изображения с бесплатного стока pixabay

© Снежная Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Роль 9. Жертва 5
Роль 10. Виновница 20
Роль 11. Дознаватель 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Роль 9. Жертва

Я стояла за спинами коллег, деликатно прикрыв нос надушенным платочком, и взирала на столь опрометчиво запрошенный подарок судьбы. Свежий труп, на нехватку которого я на днях жаловалась главе департамента, по злой иронии, пролежав четыре дня в водах Талсы, от свежести был далек…

Его утром обнаружили «жаворонки»[1], высыпавшие на обмелевший берег в поисках ежедневной добычи. Один из них, тот, кто не успел к дележке ценностей, найденных в карманах, сообщил о трупе в полицию, в надежде словить монетку хоть на этом. Уж не знаю, чем там наградил констебль вестника – медяком или подзатыльником – но благодаря ему отдел маг-криминалистики получил очередную работу с перспективой выговора за отсутствие результатов. Ибо в то, что распухшая обезображенная фигура даст нам ответы на все вопросы и конкретную наводку на Живодера, никто не верил.

Сегодня было мое дневное дежурство, вот только на этот раз счастье осмотреть место происшествия первой было сомнительным. В основном потому, что это было место не происшествия, а обнаружения. Все необходимые манипуляции и замеры я выполняла исключительно для галочки, потому что прекрасно знала, что ничего не найду. Мужчина был убит несколько дней назад и даже не здесь, фон успел сотню раз смениться. Настроение не улучшали и казенные амулеты-инструменты, которые именно сегодня прикинулись доживающими последний век. Особенно опечалил алмаз в измерителе частотных колебаний магического фона. И без того мелкий камешек (нашли на чем экономить, у дам в ожерельях каратов больше!) еще и потускнел со временем, пропуская через себя магические волны, и перемены в его цвете, которые указывали на те или иные колебания, практически невозможно было различить. Я возилась с ним дольше обычного, чем только вызвала смешки за спиной со стороны полицейских, явно ставящих под сомнение мою компетенцию.

Раздражение по возвращении в отдел только усилили в общем-то дружеские подкалывания Ричи – мол, Живодер леди Рейвен благоволит, может, не будем больше ее на дежурства ставить? Глядишь, и трупов не станет.

А теперь, стоя в морге, я мрачно размышляла о том, что это очередной тупик. Что количество гибнущих людей увеличивается, а мы не в состоянии не то, что отыскать убийцу, но даже сказать с уверенностью, что им движет.

Меня сюда, в общем-то, никто не звал. Я улизнула следом за остальными, воспользовавшись отсутствием указания оставаться в лаборатории. Господин «надежа и опора наша» Трейт вернулся из короткого отпуска в прекрасном настроении и, кажется, подзабыл про свой великий долг выжить леди из отдела. Но я не расслаблялась, прекрасно понимая, что благодушие начальства долго не продлится, а юбка среди брюк вещь слишком заметная, чтобы долго ее игнорировать.

Так я и простояла на протяжении всего вскрытия, на которое на этот раз Трейт согнал всех, чтобы уж наверняка не упустить ни малейшей детали.

Было бы чего упускать – взрезанная грудная клетка и отсутствующие легкие видны были, как говорится, невооруженным взглядом. Правда на этот раз рана выглядела не очень аккуратно. Я списала это на долгое пребывание в воде, однако Ричи, проводивший вскрытие, подтвердил – Живодер на этот раз действовал иначе. Будто… торопился?

Или это был не он, а подражатель. Тоже версия. У-у-у…

---

[1] «Жаворонки из грязи» – так называют мальчишек, промышляющих сбором мусора на обмелевшем дне в период отлива

На душе было тоскливо. И вовсе не из-за очередного трупа, вернувшегося Трейта и прочих рабочих неурядиц.

После ночного столкновения в коридоре поговорить с отцом наедине мне так и не довелось. Я не то, чтобы рвалась – ну не оправдываться же? – но думала, что он сам позовет меня, попробует как-то вмешаться, мы поговорим. Нет, он вел себя ровным счетом как обычно, но я всеми фибрами души ощущала его молчаливое неодобрение. И оно давило куда сильнее, чем нотации, на которые я скорее всего взбрыкнула бы, как с Греем, и уверилась в своей правоте.

– Предположительная дата смерти – ночь с субботы на воскресенье… – продолжал комментировать вскрытие Ричи.

Я вздрогнула – ночь теракта? Другого времени не нашел? Весь город стоял на ушах, полиция во главе с магами и криминалистами департамента землю носом рыли, чтобы поймать и представить его величеству хоть каких-либо виновных помимо самоубийцы, иначе тогда виноватыми оказались бы мы – работники департамента и стражи порядка. Знамо дело – торопился! Когда в любой момент мимо может пронестись патруль. Вот только до сих пор Живодер отличался редким хладнокровием и расчетом, почему было не отложить экзекуцию на другой день? Важна привязка к датам?..

Или это все же подражатель – заунывно тянул противный внутренний голос, который сегодня задался целью испортить мне жизнь.

Не обращая на него внимания, я сделала себе пометку еще раз поискать временную закономерность в убийствах и продолжила слушать негромкий уверенный голос патологоанатома.

– Помимо очевидного увечья имеется так же серьезное повреждение кожных покровов головы. Удар такой силы скорее всего спровоцировал потерю сознания. Следы хлороформа… отсутствуют.

– Отсутствуют? – первым переспросил лично Трейт, хотя все мы, пожалуй, мысленно ахнули этот вопрос.

– Их могло смыть.

– Живодер пользовался до сих пор магически усиленным хлороформом. Его остаточный след не смыло бы. Наоборот, следы магии в воде сохраняются лучше, – произнес Тарн Гейл, задумчиво потирая подбородок.

– Так, – строго произнес Трейт поджав губы и обвел присутствующих таким недовольным взглядом, будто это мы заскучали, вступили в сговор и подкинули в отдел труп, который вроде как живодерский, но не очень. На мне и моем платочке этот взгляд задержался особенно долго, зверея, как говорится, на глазах, и я, не удержавшись, предположила самым невинным тоном:

– Хлороформ дома забыл? Не возвращаться же. Дурная примета!

– Приберегите ваше остроумие для светских раутов, леди Рейвен, – шипению первого криминалиста позавидовала бы самая ядовитая из змей. – И лучше не открывайте рот, пока не сможете сказать хоть что-то стоящее, а не кормить нас дамскими суевериями и церковными сказками.

Мне очень хотелось сказать, мол, нечего было тогда мои «церковные сказки» с таким удовольствием глотать, раз такая уж глупость, но я, как водится, промолчала. Не выгнал, спасибо и на том.

Моя версия с ритуалом не подтвердилась. Зная, что искать, за то время, что прошло, коллеги уже что-то да нашли бы. А раз нет – мы снова без ведущего мотива. И Трейт, естественно, поставил это в укор мне – пустила следствие по ложному следу, а как же!

Вот только удивительно после этого, что он меня со вскрытия не выгнал. Такой возможности не дать мне участвовать в деле он бы не упустил, а значит, дела совсем плохи. И Трейт, на которого давит начальство свыше (а в свете теракта еще и с удвоенной силой давит), начинает хвататься за соломинку. Пусть он это никогда и не признает, но ритуал все же был хоро-

шим вариантом. Особенно за неимением других. И есть крохотная надежда, что «порождение Дьявола» в моем лице выдаст еще одну версию.

Обойдется. В следующий раз я приду к нему только с железными доказательствами.

Никакой значимой информации Ричи больше сообщить не смог. Даже вопрос, было ли с легкими что-то не так или они были совершенно здоровы, оставался открытым – ждать установления личности.

Впрочем, мы надеялись, что в этот раз процедура не затянется. Одет убитый был хорошо, это было ясно, хоть «жаворонки» и растащили все, что было можно, вплоть до пуговиц. А значит, велик шанс, что его скоро хватится не семья, так прислуга, коллеги, кто-нибудь… и завеса тайны приоткроется.

А пока нам остается ждать.

Из департамента я вышла все же в приподнятом настроении. В конце концов, проблема со следствием – не моя личная проблема. И пусть дома не все ладно, были и плюсы в том, что отец узнал о моем недостойном поведении. Теперь в неведении оставалась только матушка, а ей дурить голову задержками на работе, внезапными ужинами и прочей ерундой можно было бесконечно. Так что сегодня меня ждал Кьер, а домой я загляну только переодеться. Никаких нотаций, никаких страданий, никаких упреков. Счастье? Счастье.

Я легко сбежала по мраморным ступенькам и бодрым шагом направилась вниз по бульвару, но не успела сделать и пары шагов, как меня окликнул незнакомый хрипловатый голос. Недоуменно обернувшись, я с мгновенно взметнувшейся злостью уставилась на приближающегося Арчи Оллина.

– Я вас заждался, милая леди, – виконт по-джентельменски приподнял цилиндр и дружелюбно оскалился. – На балу нам так некстати помешали.

– Нам не помешали. – Я задавила самый первый порыв просто повернуться спиной и продолжить путь в своем направлении. Во-первых, не отцепится. Во-вторых, улепетывающая от джентльмена леди куда больше бросается в глаза, чем мирно с оным беседующая. – Нам помогли поставить точку в бесполезном и бессмысленном разговоре.

– Эрилин, ну право слово, хватит дуться. – Арчи сделал шаг вперед, и я с трудом удержалась от того, чтобы отступить. Выражение лица у мужчины было таким искренне виноватым, что будь я все той же семнадцатилетней дурехой, я бы наверняка купилась. – Я выпил лишнего и сказанул лишнего. Я вовсе не держу на тебя зла за…

– Ты не держишь на меня зла?! – Я против воли сорвалась на фальцет. Тут же опомнилась, взяла себя в руки и продолжила уже спокойно. – Лорд Оллин, давайте мы с вами расставим вещи на свои места. Мы – чужие люди. Между нами – ничего нет. И не было. И не будет. Поэтому прекратите меня преследовать.

– А не то что? – резким, хриплым голосом отрезал мужчина, разом переменившись. Напускное равнодушие стекло с него, как помои с камней мостовой под ударившим ливнем. Взгляд сделался злым, колючим и откровенно пугающим.

Я как-то разом заметила то, что ускользнуло от меня за маской воспоминаний в темный вечер на балконе. При свете стало видно, что Арчи изменился и сильно. Под глазами залегли глубокие тени, кожа казалась пергаментно бледной, потрескавшиеся губы, резкие морщины на лбу.

– Я хотел с тобой по-хорошему, Эри, видит Бог, хотел! – говорил он негромко, но яростно, даже одержимо. – Я был бы с тобой ласков, как тогда. Тебе же нравилось, будешь отпираться? Но раз ты, дрянь деревенская, по-хорошему не хочешь, будет по-иному.

В животе неприятно, холодно екнуло. Все тело напряглось, будто готовилось сорваться с места, убежать. Да только смысл?

– Мне нужны деньги, пятьсот толлов, для начала, – бесхитростно заявил Арчи. – И ты мне их принесешь. Заработаешь сама, выпросишь у папочки или своего любовника – мне без разницы. Принесешь деньги послезавтра, ко мне. А не принесешь – вся столица будет знать о том, что леди Рейвен – маленькая потаскушка. С твоей скандальной репутацией мне даже не придется никого в этом сильно убеждать.

Откуда он знает? После всего им сказанного у меня в голове билась одна лишь мысль – откуда он знает про Кьера? И что именно про него он знает?

Словно в ответ на этот немой вопрос, виконт продолжил, придвинувшись еще ближе:

– Я не знаю и мне плевать, кому из высокопоставленных чиновников ты греешь постель, только знай, что деваться тебе некуда. Скажу слово – и общество будет закрыто для тебя навсегда, и на герцогском балу тебе больше не блистать, птичка, – обращение, которым он награждал меня тогда, восемь лет назад, сочилось ядом. – И посмотрим, как ты тогда запоешь…

– Ты не знаешь, с кем связался, Арчи, – холодно проговорила я, стараясь, чтобы голос не сильно дрожал от гнева – еще примет за страх.

– Я-то не знаю? Да ты ничтожество, пустое место, выродок опального рода. На тебя всерьез не глянет ни один аристократ. Личико премилое, да. С таким личиком ножки раздвигать самое оно. Хотя и это у тебя получалось так себе. Или поднатаскали?

Спокойствие. Спокойствие. Спокойствие. Если я сейчас врежу ему между ног, больнее будет ему, а хуже – мне. Вдох. Выдох.

– Ты может и в департамент-то через постель попала? Кто там у вас начальником криминалистики, а? Не его ли на меня натравишь? Только не полезет он за тебя вступаться. Ни одному нормальному мужику такие проблемы не нужны. Вышвырнет и найдет себе другую, помоложе да без скандалов.

Арчи, наконец, закончил свою пламенную речь и изучив взглядом мое застывшее лицо, плотно сжатые губы и остекленевший взгляд куда-то мимо его плеча (смотреть на него не было сил, убью ведь, прости Господи, грех на душу возьму), бросил с презрением и превосходством:

– Послезавтра, Эрилин. И я еще щедр, что не требую прямо сейчас.

Я сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладони, с трудом удерживаясь от того, чтобы расцарапать эту омерзительную физиономию, а Арчи со всем почтением приподнял шляпу, поклонился, прощаясь, и прошел мимо, напоследок ощутимо задев плечом.

Я осталась стоять посреди бульвара.

И, как ни странно, в голове продолжала биться все та же настойчивая мысль – откуда он узнал, что у меня кто-то есть? Я не могла толком понять, почему мысль эта затмила все сказанное Арчи, но она совершенно не давала покоя. Свет об этом не знает, иначе мама бы уже лежала при смерти, а виконту нечем было бы меня шантажировать. А значит, не знает никто…

Кроме того, кто до сих пор эту тайну благополучно хранил. И кто, совершенно определенно, состоит с Арчи Оллином в подобии дружеских отношений. И кому мне повторно захотелось надавить от души на свежий перелом, который, желательно, самой же и организовать!

Я зло выдохнула, сжала губы и решительно взмахнула рукой, подзывая извозчика. Возможно, Кьеру придется меня немного подождать, но дело определенно не требовало отлагательств.

Спустя чуть менее получаса я постучала в высокую темную дверь одного из массивных особняков на улице Черного дуба. Дверь открылась быстро.

– Добрый вечер, мэм.

– Леди Эрилин Рейвен, – холодно представилась я.

– Прошу прощения, миледи, но милорд Грайнем никого сегодня не принимает.

– Меня примет. Сообщите, будьте любезны.

Дворецкий покорно поклонился и распахнул дверь шире, приглашая меня войти.

– Подождите здесь, миледи, прошу вас.

И я осталась ждать в холле, обитом панелями из орехового дерева. Адрес лорда Грайнема вызнала, конечно же, матушка. Которая уже на следующий день после бала начала строить планы о том, что надо будет обязательно выбрать дождливый денек и словно невзначай отправиться гулять без зонтов под окнами графского особняка. Ведь настоящий джентльмен никогда не оставить дам мокнуть на улице. Впрочем, потом она приходила к выводу, что мой вид мокрой кошки может его отпугнуть, и план выстраивался новый. Все их я не запомнила, в отличие от адреса – так, на всякий случай. Который настал даже быстрее, чем я могла подумать.

Ждать пришлось недолго. Послышался глухой стук металла о дерево и прихрамывающие шаги, и граф Грайнем предстал передо мной с крайне изумленным выражением на вечно хмурой физиономии.

– Леди Эрилин? Признаться, я удивлен.

– Неужели? – в моем голосе не звучало ни малейшей приязни. – То есть вы хотите сказать, что не имеете ни малейшего отношения к тому, что лорд Арчибальд Оллин пришел сегодня требовать с меня денег?

Формулировку я нарочно сгладила, на всякий случай, но физиономия графа из изумленной сразу сделалась привычно-мрачной, подтверждая все мои умозаключения.

– Прошу вас, – он сделал приглашающий жест рукой в сторону одной из открытых дверей. – Смит, чай, будьте любезны для леди.

Когда мы устроились в креслах гостиной: я – с прямой спиной, будто стальной стержень проглотила, Грайнем – неловко вытянув больную ногу и пристроив рядом трость, – граф произнес негромко:

– Кажется, я должен принести вам свои извинения.

– Скажите откровенно, вам это удовольствие особое доставляет? – ядовито осведомилась я.

– Простите?

– Сначала наделать-наговорить гадостей, а потом – извиняться. Очень удобная позиция. И душу отвести и, вроде как, остаться приличным человеком!

Мужчина недовольно дернул уголком губ, черты лица сделались жестче. Было очевидно, что он сдержал в себе нечто резкое, что готово было сорваться с языка, и, возможно, будь я чуть более спокойна, я бы оценила эту наконец проявленную сдержанность. Но гнев на милость меня это сменить не заставило. Поединок взглядов длился мгновение и завершился графским поражением.

– Позвольте мне объяснится.

– Да уж будьте любезны!

Граф погладил посеребренный наконечник трости.

– Так вышло, что мы с лордом Оллином приятели. Получив титул, к которому я совершенно не был готов, я некомфортно себя чувствовал в новом кругу общения, а Арчибальд оказался открытым и располагающим к себе человеком.

Оказался. Казался! Добро пожаловать в клуб, дорогой граф!

– Мы довольно быстро сблизились и приятно проводили время, он помогал мне отвлечься от жизненных сложностей, но вскоре я стал замечать за виконтом некоторые пагубные пристрастия. Помимо совершенно неконтролируемого азарта, ведущего к частым сокрушительным проигрышам, он обладал такой же неконтролируемой тягой к алкоголю. И опиуму.

Мои смутные подозрения подтвердились. Даже по отдельности эти три «увлечения» дело весьма затратное, а уж вместе! Не удивительно, что Арчи требовались деньги.

В гостиной показался лакей с чайным подносом. Разговор на минуту застыл, чтобы возобновиться, когда черная ливрея скрылась за дверью.

– Это, в общем-то, не мое дело. Нашему общению и времяпровождению сии пристрастия ни коим образом не мешали. Да, пару раз он одалживал у меня небольшие суммы, и я

был уверен, что он их не вернет, но читать ему морали – не моя задача, а эти просьбы меня бы не разорили. Но в последние пару недель дела у виконта пошли совсем плохо, он крупно проигрался, кредиторы наседали… и тогда он встретил на балу вас. Когда он спросил, с кем я разговаривал, я ответил без малейших опасений. Но выражение, которое мелькнуло в его глазах, когда он устремился следом за вами, меня насторожило, и я, помедлив мгновение, решил убедиться, что все в порядке. К счастью, как оказалось.

– Повторной благодарности не дождетесь, – процедила я в чашку.

Длинное предисловие раздражало. Мне нужно было выяснить, что именно он наговорил Арчи и с какой целью. Первое, чтобы понять, можно ли как-то сказанное обернуть в свою пользу. Второе, чтобы знать насколько страшна будет моя месть одному отвратительно воспитанному графу.

– Я на нее и не рассчитывал, – Грайнем тоже сделал глоток из своей чашки и продолжил: – Мысль о шантаже не сразу пришла в светлую голову виконта. Сначала он просто яростно обвинял вас в неблагодарности и заносчивости, жаждал указать принадлежащее вам место. «Да если я расскажу всему свету то, что знаю об этой…», – Граф сделал паузу, подвергнув цитату суровой цензуре, – «то она на коленях приползет умолять меня опровергнуть эти слова». Сказав это, он и призадумался, осененный, как ему показалось, гениальной идеей. Как только я понял, что Арчи не успокоится, более того, что он уцепился за замаячившую возможность добыть денег, буквально зубами, я попытался его отговорить от этой затеи.

Я начала догадываться, какой именно аргумент Грайнем решил преподнести, но молчала, ожидая завершения рассказа.

– Мои доводы о том, что такое обращение с леди – низко и недостойно джентльмена, он отмел красочным описанием вашего морального облика. – Я невольно хмыкнула, прикрыв усмешку чашкой. Все же в языковой изобразительности графу не откажешь. – Отсутствие у вашей семьи серьезных капиталов его тоже не смутило. Он считал, что раз вы работаете, то сможете отдавать ему свое жалованье, как минимум. И тогда я попытался его припугнуть. Не называя имен, упомянул, что мне известно наверняка о серьезном покровителе, с которым виконту лучше не связываться…

Понятно. Хотели, как лучше, получилось, как всегда.

За время рассказа спокойным ровным голосом без издевок и насмешек, у меня схлынула первая яркая злость, а это признание окончательно ее притупило. В конце концов, Арчи совершенно не нуждался в информации о том, что у меня и сейчас есть любовник, чтобы меня шантажировать. Его откровений о нашей бурной юности свету тоже хватило бы.

– Эта новость, к сожалению, тоже не произвела на него нужного впечатления, только еще больше распалила. Впрочем, он был сильно пьян и не в себе, и я лелеял слабую надежду, что, проспавшись и обдумав все на свежую голову, он откажется от этой затеи. И мне искренне жаль, что он доставил вам несколько неприятных минут…

Помолчав мгновение, мужчина добавил, задумчиво глядя в чашку.

– Впрочем, Арчи мне теперь тоже, пожалуй, жаль…

– Что вы имеете в виду?

Граф посмотрел на меня с недоумением.

– Я, конечно, не высокого мнения о моральном облике самого виконта Оллина, но, по моим скромным соображениям, этот дурак не заслужил того, что с ним по вашему слову сделает с ним герцог Тайринский.

– С чего вы взяли, что герцог Тайринский должен принимать участие в этой истории? – ледяным тоном осведомилась я. – То, что вы стали свидетелем определенной сцены и сделали определенные выводы, еще не дает вам права их озвучивать. Как и права лезть в подобное дело.

– Вы полагаете, я должен был промолчать?

– С учетом того, что ваши слова никакого эффекта не возымели, кроме обратного – да, уж лучше бы вы молчали, на давая шантажисту дополнительной истории для его шантажа!

Я со стуком поставила чашку на блюдце.

– Ну простите, даром предвидения, милейшая леди, я не обладаю, – граф раздраженно повторил мой жест. – Не зря все же говорят – благими намерениями вымощена дорога в ад.

– Благодарю за чай, – с ядовитой воспитанностью произнесла я, поднимаясь.

– Стойте.

Граф и не подумал встать, провожая даму, и теперь смотрел на меня снизу-вверх. Было во взгляде что-то такое, что заставило меня замереть и вопросительно вскинуть брови.

– Присядьте, я вас прошу. Давайте поговорим спокойно. Я понимаю ваше негодование, но я хотел и хочу помочь. Если вы не планируете вмешивать герцога, то одна вы не справитесь.

– Послушайте, лорд Грайнем…

– Вы можете звать меня Трей.

– Нет, спасибо, лорд Грайнем меня полностью устраивает, – холодно отозвалась я, и тонкие губы графа почему-то тронула улыбка. – Я привыкла самостоятельно решать свои проблемы и привычке этой изменять не намерена.

– Просить помощи и принимать ее – не одно и то же. Я мог бы дать вам денег. Сколько требует Оллин?

– Даже если отмести в сторону оскорбительность подобного предложения, вы же понимаете, что давать деньги шантажисту – это рыть себе погребальную яму?

Поскольку сесть я так и не соблаговолила, граф все же поднялся, тяжело опершись о трость. Надо же, воспитание в этой личности все же где-то теплится.

– Понимаю, но это могло бы дать вам отсрочку, чтобы подумать, что делать дальше.

Я смотрела на графа с недоумением. Этого человека мне никак не удавалось понять. То он хамит, то высказывает искреннее участие. То хранит тайну, которой в общем-то никому не обязан, то выдает ее человеку, которого меньше всего нужно было держать в курсе. Было ощущение, что он чем-то выделил меня из всей разноцветной толпы девиц высшего света, но не в том ключе, о котором бы мечталось маменьке, а…

А в каком – понять не получалось. Как и разгадать, что же на самом деле нужно человеку, жаждущему мне помочь и одновременно жалеющему моего врага.

– Даже если бы у меня были деньги, Арчи не получил бы из них ни минки, – медленно и раздельно произнесла я. – Вашими вы вольны распоряжаться, как угодно, можете хоть все их отдать бедному-несчастному дурачку или покрыть его долговые расписки, а что касается меня…

Я осеклась на полуслове. Озарившая голову мысль была одновременно опасной и гениальной. На самом деле, сколько бы я ни храбрилась, я не имела ни малейшего представления, как справиться с Арчи без потерь – кроме как пожаловаться Кьеру. Но жаловаться Кьеру не устраивало меня категорически по ряду причин. Что бы там он сам ни говорил о том, что для женщины нормально просить мужчину о помощи… будь он моим мужем, я бы к нему пошла. Но он мне не муж, и никогда им не станет. И однажды этим отношениям придет конец, и привыкать к тому, что кто-то могущественный щелчком пальцев устраняет с моего пути препятствия, уж точно не стоило. Не говоря уже о прочих причинах, сквозивших и в словах Арчи, и в предположении графа, и больно ударяющих по самолюбию.

А эта мысль… это был шанс. Рискованный – но шанс.

Поэтому стараясь не выдать слишком охвативший меня азарт, я поинтересовалась у графа:

– …но раз уж вы предложили. Скажите, лорд Грайнем, на те, одолженные суммы, Арчи оставлял вам долговые расписки?

– Да, но спешу вас заверить, миледи, речь идет действительно о небольших деньгах, и…

– А вы знаете, кому еще он точно оставлял расписки? И на какие суммы?

– Да, но…

– Прекрасно, – пропела я, обретая вновь присутствие духа. – В таком случае, если вы действительно хотите мне помочь, вы отдадите мне ваши расписки и назовете имена.

Трей Лоули, лорд Грайнем, одарил меня взглядом без проблеска понимания, но, промолчав, отправился за тем, что я затребовала.

Спускалась по ступенькам графского особняка я в куда более приподнятом настроении, чем поднималась.

– Извини, – в уже знакомую мне по самому первому визиту в герцогский особняк гостиную, я почти влетела, шурша юбками. Кьер, оторвавшийся от чтения, вскинул на меня изумленный взгляд, и я сочла необходимым пояснить. – Я опоздала.

– Королевы не опаздывают, это все остальные приходят раньше, – с улыбкой отозвался герцог и, отложив книгу, собрался встать, но я его опередила, стремительно заняв освободившееся место у него на коленях.

Долгожданный поцелуй отозвался сладкой истомой во всем теле и легкой дрожью предвкушения. Мы целовались неспешно, никуда не торопясь и получая искреннее удовольствие от процесса, зная, что впереди еще долгий-долгий вечер.

– Что читаешь? – отстранившись, я потянулась, чтобы перевернуть обложку отложенной книги, и Кьер воспользовался этим, чтобы прихватить губами тонкую кожу шеи, мочку ушка рядом с аметистовой сережкой. – Мемуары? И кто же это – лорд Клейбон?

– Один из моих предшественников на посту главы департамента.

– Вот как…

Мазнув взглядом по датам на обложке, я напряглась и торопливо открыло начало текста, где приводились краткие сведения об авторе. Родился, умер… дальше! «Будучи вторым сыном маркиза Тансенда…».

Еще один кусочек подзабытой в суете головоломки, с щелчком встал на законное место. Надо же, я оказалась права, у изобретателя печати действительно были покровители в департаменте. Но готова спорить на все свое приданое (а, все равно не пригодится!), что в мемуарах о том, как департамент лихо прикрыл массовые убийства, нет ни слова.

Я с любопытством окинула взглядом оглавление, подумывая, как бы мне эту книжечку позаимствовать, пока Кьер продолжал щекотно выцеловывать шею, не менее увлеченный своим занятием, чем я – своим.

– Любишь мемуары? – неожиданно осведомился герцог, как оказалось, все же следивший краем глаза за моими действиями.

– Зависит от мемуаров! А тебя чего вдруг потянуло изучать свершения предшественников?

– Любопытно, как они подходили к вопросу контроля магии в целом и самоучек, в частности.

– Проблемы? – я обеспокоенно заглянула в черные глаза.

– Его величество не устраивает текущая ситуация. А случившийся теракт вообще выходит за рамки. Он требует решения, а решения пока нет.

– А ты как глава департамента – самый крайний, – недовольно проворчала я.

Не Кьер создал эту ситуацию с магией в королевстве. Не он подал идею о массовом запечатывании, не он приказал жестоко карать всех самоучек. А отдуваться за все это должен он. Несправедливо. Впрочем, королевская справедливость всегда была понятием относительным, но вслух об этом – ни-ни. Боже, храни короля!

– Для чего еще нужен глава департамента, – герцог улыбался, но за улыбкой этой мне мерещился призрак глубокой задумчивости.

Я обхватила ладонями его лицо, провела большими пальцами по скулам, отметила пока еще едва заметные тени под глазами. «Что с ним сделает герцог…». Ну и куда ему еще и мои проблемы?

Прижалась губами к губам, упоенно ощущая, как живо они отзываются на поцелуй, как все могучее тело подается вперед, сжимая меня в объятиях. Сегодня как-то особенно хорошо было просто обниматься и целоваться, сидя на диване перед камином после тяжелого дня, полного неприятных сюрпризов.

– Ужин? – Кьер пристроил подбородок на мое плечо.

– Я думала, ты никогда не предложишь! – нарочито ворчливо отозвалась я, пытаясь встряхнуться от излишне расслабляющих нежностей. – И где только ваше гостеприимство, герцог?

Кьер рыкнул, куснул меня сквозь ткань платья и отпустил, позволяя подняться.

– Надеюсь, сегодня ты не планируешь представлять меня троюродной бабушке, двум кузенами и тетушке Мюрей? – поинтересовалась я, пока мы чинно – рука об руку – шествовали в столовую.

– Откуда ты знаешь про тетушку Мюрей? – хохотнул Кьер.

– У тебя она есть? Серьезно? Только не говори мне, что это карга без возраста, которая искренне считает, что все окружающие жаждут приобщиться к светочу ее мудрости. А мудрость ее распространяется абсолютно на все области жизни, но главным образом на сферы брака и детей, несмотря на то, что у нее нет ни того, ни другого!

– В точку. – В черных глазах плясали смешинки.

– Господи, вот уж не думала, что герцогское семейство является образчиком анекдотических. Теперь мне вдвойне страшно.

– Не переживай, – Кьер фривольно притянул меня к себе за талию. – Сегодня даже Томас нас покинул. Кстати, сразу после бала он пришел ко мне с заявлением, что жаждет податься в юриспруденцию. Расскажи-ка, свет очей моих, какое отношение ты к этому имеешь? И как тебе это удалось? Я видел, как вы шушукались, спрятавшись за колонной. С учетом того, что до этого мой юный родственник практически всех присутствовавших избегал…

– Ни малейшего! – Я выкрутилась и оскорбленно огладила платье. – Делать мне больше нечего, чем с чужими юными родственниками нянчится! У меня свой есть!

Кьер выбросил вперед руку, чтобы ухватить меня и вернуть «на место», я со смехом увернулась… и чуть не врезалась в круглый столик, на котором стояла какая-то странная металлическая конструкция из тонкой проволоки, с поблескивающими внутри шестеренками.

– Это что? – заинтересовалась я, разглядывая неведомую вещицу.

– Брат, – даже по звуку голоса было слышно, что Кьер поморщился.

– Что, делает? – уточнила я, припомнив о «попытках» юного лорда приобщиться к изобретательскому мастерству, ибо на функциональную вещь эта конструкция не походила.

– Если бы, – вздохнул герцог. – Тащит! И где находит только. Полдома хламом завалено, потом покажу, если хочешь.

Я согласно кивнула и окинув напоследок инсталляцию еще одним любопытным взглядом, нагнала ушедшего на пару шагов вперед мужчину. Значит, это приятель Томаса балуется? Забавно-забавно. Крепкая у них дружба, коли и неудачные поделки юный лорд складирует в родовом особняке.

А после ужина, когда Кьер повел меня показывать остальные «сокровища», я окончательно поняла, что определенно хочу узнать больше об этом таинственном изобретателе.

Под механизмы была отведена целая комната, и то было ясно, что в ней они давно не помещались, вот и расползались по особняку, ненавязчиво отвоевывая пространство, как так штуковина, которую я чуть не уронила. И в этой комнате создавалось ощущение, будто бы я попала в какой-то другой мир.

О предназначении большей части вещиц оставалось только догадываться. Впрочем, были там и знакомые предметы, но переделанные или исковерканные так, что опознать их было не всегда просто. В углу на столике стояли часы с тремя циферблатами – один обычный, и два с непонятными символами, они тикали так громко и торжественно, будто отсчитывали последние мгновения этого мира. Прибор для выдавливания косточек из вишни. Весы, на которых более тяжелая чаша наоборот поднималась…

Возле очередной невнятной штуки, медленно вращающейся вокруг своей оси, я застыла гончей, почувствовавшей след. А вернее – легкий, почти незаметный фиалковый запах, похожий на аромат духов.

Магия?

Я взяла вещь в руки, покрутила в разные стороны, убеждаясь, что от нее действительно пахнет магией, а не разлитыми духами, вот только почему? Как? На артефакт механизм похож не был. Во-первых, потому, что механизмов-артефактов не бывает. Во-вторых, у артефактов иной, весьма специфический душок.

– Что-то заинтересовало? – Кьер подошел сзади и, обняв меня за плечи, коснулся губами шеи, поцеловал в висок. Пальцы ненавязчиво поглаживали кожу сквозь тонкую ткань рукавов.

– Ты в курсе, что эта штука – магическая? – Я продолжала вертеть приспособление в разные стороны, силясь понять, что же это может быть. Или хотя бы – как оно работает. Такого типа механизмы очевидно требуют завода, но ни ключа, ни скважины для него мне обнаружить не удавалось.

– Магическая? – Пахнуло озоном, и Кьер пожал плечами, прижимая меня к себе теснее. – Мне не почувствовать. Может, просто что-то остаточное? Для обработки некоторых деталей, я знаю, применяют магические техники.

Возможно-возможно… Эманации, и впрямь, слишком слабые, артефактор еще, может, и смог бы их обнаружить, но не стихийник. Если бы я не развивала во время учебы способности запечатанного, то могла бы тоже упустить это из виду. Но интересно, а еще подобное здесь есть?

Я выскользнула из объятий герцога и снова прошлась мимо таинственных изобретений, теперь уже целенаправленно «принюхиваясь». И обнаружила таинственный аромат еще у нескольких механизмов.

– Я начинаю жалеть, что привел тебя сюда, – проворчал Кьер, взяв меня за руку, будто намеревался оттащить от поделок, как маленькую девочку от витрины кукольного магазина. – Еще не хватало, чтобы ты тоже заразилась этой манией.

– Ревнуешь? – Я состроила глазки особенно уродливой конструкции.

– Безумно.

От легкой хрипотцы, прорезавшейся в низком голосе, по позвоночнику пробежала дрожь. Кьер поднес мою кисть к губам, но не церемонно поцеловал кончики пальцев, а перевернул и прижался губами к центру ладони. Щекочуще-нежное прикосновение, растаявшее прежде, чем я успела сполна его ощутить. Оно почему-то кольнуло острым беспокойством.

Мне вдруг подумалось, что Кьер сегодня как-то особенно ко мне внимателен. Все эти нежности, без намека на закономерное продолжение… они, конечно, льстили моему женскому самолюбию, но…

– У тебя точно все в порядке? – спросила я, заглядывая в черные глаза.

– Конечно, – беззаботно отозвался герцог. – А у тебя?

– У меня все прекрасно, – спокойно отозвалась я, внутренне подбираясь – он что-то знает? О чем-то догадывается? Да нет, если бы знал, то наверняка сейчас был бы зол, как черт, а не безукоризненно ласков.

– Ну и чудно, – почти мурлыкнул Кьер, зарываясь носом в мои волосы.

Что-то не так. Но что? Монарший гнев? Немилость? Департамент закрывают? Голод? Война? Что?!

Подозрения крепли в душе все сильнее, но я с беззаботной улыбкой позволила «уговорить» себя бросить эти железяки и продолжить экскурсию в личных комнатах его светлости.

Вот только и там сомнения меня не отпустили.

Кьер и в постели оказался так пронзительно-нежен, что у меня заходилось сердце от наслаждения и страха. Руки и губы скользили по коже невесомыми, обжигающими прикосновениями, давая понять, что Кьер более чем прекрасно изучил мое тело, потому что сегодня он владел им, как именитый музыкант своим инструментом. Я сходила с ума и плавилась в его руках, но все мои попытки доставить ответную ласку были непреклонно пресечены.

И почти задыхаясь, умирая от острого наслаждения, когда он был во мне, когда двигался во мне, когда мои пальцы впивались в литые мышцы рук, а на губах оседали поцелуи вперемешку с хриплым дыханием, я все еще задавалась вопросом – что случилось? Что могло случиться, раз такой мужчина, как герцог, ищет во мне тепла и утешения?

Ответа на этот вопрос не находилось, а сам Кьер определенно не собирался его давать. Он вообще, кажется, вознамерился задремать, стиснув меня в объятиях, и я торопливо выскользнула из-под тяжелеющей руки, по привычке отправляясь в гардеробную.

И там с удивлением уставилась на висящие на вешалках пеньюары различных расцветок, не менее десятка. К одному из них был приколот булавкой сложенный лист бумаги.

«Хватит таскать мои рубашки».

Не в силах задавить безотчетную улыбку на губах, я накинула на плечи первый попавшийся под руку подарок, ни капли не удивившись, что он сел на фигуре, будто был на меня шит. Хотя какое «будто», на меня и был. И я даже знала, где его светлость добыл мерки, но не хотела даже задаваться вопросом – как?

– Ну ты и жадина, – вынесла я вердикт, возвращаясь в спальню.

Кьер, все так же дремлющий, не сменив позы, приоткрыл один глаз, чтобы бросить на меня хитро-вопросительный взгляд.

– Полотенца мне пожалел, рубашки пожалел, изобретений никому не нужных пожалел, – перечислила я, старательно загибая пальцы. – Профессору малознакомому целого мальчика подарил, а для меня отреза ткани жалко! – праведно негодовала я, присев на краешек кровати и принимаясь расчесывать волосы.

– Мальчика, прошу заметить, я дарил тебе. А то, что ты ценными подарками раскидываешься направо и налево – это уже не моя забота, – хмыкнул герцог.

– Конечно, – печально заметила я. Нарастающий азарт в глазах Кьера мне определенно нравился. Может, еще и не все так плохо, как мне показалось? – А бриллианты где, спрашивается? Я после долгих уговоров переступаю, можно сказать, через себя, позволяю от широты душевной преподнести мне бриллианты… и что? И ничего!

– Эри, я сейчас в тебя чем-нибудь кину. И это будут отнюдь не бриллианты.

Угроза звучала вполне серьезно, и общего с предыдущими нежностями имела мало. А от лениво-порыкивающего тона, которым она была произнесена, у меня сладко заныла каждая клеточка тела. Узнаю своего мужчину!

Кьер сел, провел ладонью по лицу, волосам, стряхивая с себя липкую паутину дремы. И я откровенно залюбовалась этим жестом, этим телом, красивым, волевым лицом. Куда там до него графу Грайнему, о коем сейчас были все мечты и помыслы драгоценной матушки.

С графа Грайнема подлая мысль плавно утекла в сферы еще более неприятные. Внезапно созревший план требовал внимания и обдумывания, а время, отпущенное на это, утекало сквозь пальцы речным песком.

– О чем задумалась? – голос герцога выдернул меня из размышлений.

– Да так, дела криминалистические, – отмахнулась я. Не хватало еще заново вернуться к допросам и плохому настроению, ведь только-только удалось его растормошить.

– И что с ними?

– Все-то вам, герцог, надо знать! – в прежнем игривом тоне отозвалась я, перекинув расчесанные волосы за спину, и пеньюар, словно невзначай, соскользнул с плеча, задетый этим движением. – Извини, мой милый, но у меня правило – не тащить проблемы с одной работы на другую!

– Какую – другую? – отчетливо рыкнул Кьер, раззадоренный не то спектаклем, не то моим упрямством.

Глядя ему прямо в глаза, я медленно вернула рукав на место, позволяя гладкому шелку неторопливо скользить по коже.

– Так я герцогской любовницей подрабатываю, по совместительству.

Повисшее молчание заполнялось грозовым запахом близкой магии. Я вся подобралась, как завидевшая мышь кошка.

– То есть мало того, что для тебя это работа, – тихо-тихо и очень спокойно уточнил Кьер. – Так еще и не основная?!

Я с веселым визгом соскочила с кровати, увернувшись от брошенной подушки. Вторая пролетела над головой, третья врезалась в столбик кровати, за которым я спряталась, прикрывшись бархатным пологом. А когда с бешено колотящимся сердцем я выглянула, чтобы выяснить местоположение стрелка и оценить количество оставшихся зарядов, Кьера на кровати уже не оказалось.

Я вскрикнула уже по-настоящему, когда плечи сжали стальные клещи, резко разворачивая меня лицом к воплощению ночных кошмаров – демону, сверкающему разрядами грозовых молний.

– Убива…

Рывок – ткань так и не успевшего мне толком послужить пеньюара треснула, открывая доступ к телу.

– Насилуют! – пискнула я, быстро исправившись.

Больше лишних звуков мне Кьер издать не дал. Горячие губы впились в мой рот, руки с силой сжали. И я вся подалась вперед, выгибаясь навстречу, позволяя Кьеру делать все, что угодно, все, что он только может пожелать. От игривой строптивости не осталось и следа. Раздорить словами – да, а вот сопротивляться сегодня не хотелось даже в шутку, понарошку. Пусть знает, пусть убедится, что я здесь, что я рядом, что я на все согласна.

В вихре ощущений я даже толком не поняла, как мы снова оказались на кровати, еще меньше – как я оказалась сверху. И Кьер жадно ощупывал взглядом мое раскрасневшееся лицо, вновь растрепавшиеся волосы, пересохшие, с хрипом хватающие воздух губы. Взгляд этот стекал огненной дорожкой по шее на грудь, не прикрытую клочками ткани, по животу, вниз, туда, где два тела сливались в одно. Руки сжимали мои бедра, помогая поддерживать все ускоряющийся темп, жжение внутри делалось все сильнее, а от этого взгляда становилось просто невыносимым. И когда тело прошило молнией такое долгожданное, такое сладкое наслаждение, я со стоном опустилась щекой на горячую, влажную от пота грудь, чувствуя, как биение сердца в ушах звучит почти в унисон с тем, что грохотало в грудной клетке, к которой я прижималась.

Я до невозможности любила эти мгновения – сразу после. Наверное, ничуть не меньше, чем сам процесс. Удивительное состояние приятного опустошения, легкости. Мысли, оглушенные чувственным наслаждением, не торопились возвращаться в голову. Каждая клеточка тела, такая напряженная на пике – расслаблялась. И не хотелось двигаться. Вообще ничего не хотелось – пусть бы все оставалось, как есть сейчас, в это самое мгновение.

Кьер глубоко вздохнул, и я подняла голову, подтянулась, прижалась к его губам поцелуем.

– Останься, – герцог убрал с моего лица волосы, зарылся в них пальцами.

– Ты же знаешь, я не могу.

– Знаю. Но это не значит, что я не могу попросить.

Я улыбнулась, искренне надеясь, что улыбка не отдавала горечью, осевшей на сердце.

Тучи накрыли Карванон глухим темным куполом. Они висели так низко, что, казалось, задевали раздутыми боками шпили городских зданий и, наверное, поэтому то и дело прорывались ливнями. Короткими, но яростными – сплошной непроглядной стеной, будто кто-то сверху опрокинул на столицу ведро воды.

Я стояла под козырьком цветочной лавки напротив дома №46 по улице Звонких голосов, мяла в ладонях ридикюль и не решалась пересечь ее. Отчасти из-за плетей дождя, бешено хлеставших по мостовой, от которых не спас бы мой старый зонтик. Отчасти из-за того, кто поджидал меня в этом доме.

Но, когда очередной ливень утих, превратившись в мелкий дождь, повисший в воздухе водяной пылью, я глубоко вздохнула, набралась смелости, перебежала улицу и толкнула дверь в ярко освещенный подъезд.

Арчи Оллин снимал апартаменты на втором этаже дома. На мое счастье, на лестнице мне никто не встретился, а дверь в квартиру оказалась не заперта. Я даже не стала стучаться, просто толкнула ее внутрь и вошла, торопясь скорее скрыться с людских глаз. Меньше всего мне хотелось, чтобы меня видели входящей в квартиру этого мерзавца.

В прихожей было сумрачно и пусто. Дальше шагнуть я не решилась и уже собиралась подать голос, чтобы заявить о своем присутствии, но не пришлось – Арчи сам показался в арке в конце коридора, ведущей, очевидно в гостиную. Выглядел он отвратительно – прическа в беспорядке, как и одежда, рассеянный блуждающий взгляд…

Я сильнее стиснула в пальцах ридикюль.

– А, это ты, – виконт расплылся в ухмылке. – Добро пожаловать, птичка, в мою скромную обитель! – Он пошатываясь поклонился и тут же произнес жадным, нетерпеливым голосом. – Принесла?

– Нам надо поговорить, лорд Оллин, – сдержанно отозвалась я.

– Не о чем нам разговаривать, я тебе уже все сказал. Давай деньги и проваливай, пока я щедр и не потребовал за свое молчание больше.

– Ты прав, Арчи. – Я смотрела бывшей любви всей моей юности в глаза и старалась, чтобы голос мой звучал ровно. – Нам очень хорошо было вместе, и ты многому меня научил, поэтому я решила, что обязана тебе помочь.

– Меньше слов, Эри, – Арчи двинулся ко мне. – Деньги.

Я достала из ридикюля и молча протянула ему две расписки. Одна из них принадлежала графу Грайнему, другая… Другая была написана на имя господина Лайнира, которому виконт задолжал четыреста толлов, и была искусно подделана мной вчера вечером после долгого изучения имеющихся образцов.

Арчи выдрал бумаги из моих рук, пробежал глазами собственный почерк, все еще сохранившее следы красоты лицо исказила гримаса недоумения и злости.

– Что это?! – он сунул бумаги мне под нос.

– Пятьсот толлов, – спокойно ответила я. – Я выкупила расписки на эту сумму и возвращаю их тебе, можешь уничтожить.

Глаза виконта метались по моему лицу, дыхание учащалось, но, прежде чем он успел что-либо еще сказать, я спокойно продолжила.

– Я настолько тебе благодарна, Арчи, за науку, что выкупила также и несколько других расписок. Господа Фейлиш, Крамс, Зайнцвен, лорд Гиннел и прочие были очень рады получить деньги, которые они и не чаяли уже увидеть. Так рады, что даже не спрашивали, для чего они мне нужны. И я расскажу тебе – для чего. Если ты еще хоть раз попробуешь приблизиться ко мне, заговорить со мной и хоть где-либо упомянуть мое имя, я подам на тебя в суд и потребую взыскать долги. И тебе ли не знать, мой милый, что сумма там такая, что твой отец предпочтет

отречься от сына, нежели ввязываться в это грязное дело. Благо, у него теперь имеется второй наследник и третий на подходе – спасибо второй супруге.

– Ты… ты… – Арчи сначала побелел как мел, а теперь глаза его налились кровью, дыхание сделалось хриплым и тяжелым, и я поняла, что эффект произведен нужный, и самое время уходить.

Вот только шага назад виконт мне сделать не дал. Взметнулась рука, пальцы впились мне в горло, рывок – и я вскрикнула, ударившись головой о стену, а Арчи придвинулся вплотную, прижима меня тяжелым телом.

Тиски на шее сжались сильнее – из горла вырвался сдавленный хрип.

Рука в ридикюле нащупала артефакт-оглушитель – я купила его и носила с собой еще со студенческих времен, регулярно подновляя у артефакторов, ибо отвага – это хорошо, а беззащитной девушке лучше иметь под рукой что-то помимо нее – но нажать на камень активации не успела. Арчи выдрал сумку у меня из рук и отшвырнул прочь.

– Тварь!

Скрюченные пальцы сдавили так сильно, что в глазах потемнело, я успела подумать, что если он меня и не задушит, то свернет шею, а потом из головы вылетело вообще все, я смогла только безумно, отчаянно вцепиться в душащую меня руку, царапая кожу, пытаясь отодрать, вырвать для себя хотя бы глоток такого драгоценного воздуха!

– Да ты хоть знаешь, что они со мной сделают, если не получат деньги?! Гадина!

Мужчина оторвал меня от стены только для того, чтобы снова об нее ударить. В глазах потемнело, перед ними поплыли звезды, я давилась хрипами, и в тот момент, когда моя рука обессиленно соскользнула с чужой кисти, а сознание почти померкло, раздался страшный грохот.

Смертельное давление на горло, а вместе с ним и сила, держащая меня на ногах, исчезли – и я стекла по стене вниз, кашляя, давясь воздухом, жадно глотая его, и снова давясь.

Какое-то время сквозь сипы и гул в ушах мне слышались сдавленные визгливые вопли Арчи, но потом они стихли. Вместо них пробились другие голоса – спокойные, бесстрастные.

– Миледи, позвольте я вам помогу…

Дышалось все еще тяжело, а глаза застилали слезы, поэтому я не столько видела, сколько ощутила, как меня бережно подхватили под руку, помогая встать на ноги. Куда-то повели. Усадили. Голоса были сплошь незнакомые, и я торопливо утерла слезы тыльной стороной ладони, силясь понять, что вообще произошло.

Двое мужчин – незнакомые лица, темная одежда без знаков отличия.

«Кто вы?» – попыталась произнести я, но не смогла и снова зашлась безудержным кашлем.

– Воды, миледи?

Я приняла стакан, жадно глотнула и чуть не захлебнулась, подавилась. Горло заболело так, что у меня снова выступили слезы. Пытаясь отвлечься от неприятнейших ощущений, я окинула взглядом место, где находилась.

Гостиная. Полупустая, с минимумом мебели, никаких украшений. Шторы задернуты, а упоительно вкусный в первые мгновения воздух теперь на вкус был застоявшимся, затхлым. К нему примешивался правда легкий аромат флердоранжа, исходивший от бледных нитей, паутиной опутавших тело Арчи Оллина. Виконт сидел в углу и бешено сверкал глазами. Встретившись со мной взглядом, он попытался открыть рот, но тут же напоролся на стоящего над ним мага с бесстрастным лицом и промолчал.

Мои спасители тоже молчали, а я при всем желании ничего кроме сипов и хрипов издать пока не могла. В застывшей, как в немой сцене спектакля, комнате назревало напряжение, будто мы все чего-то ждали, но непонятно, чего именно.

Все встало на свои места, когда повисшую тишину прорезали сначала торопливые шаги на лестнице, затем глухие – по коридору, и в арке, заполнив ее собой целиком, появился Кьер.

Он уставился первым делом на меня, и мне очень захотелось куда-нибудь спрятаться. Растрепанный вид, заплаканное лицо, опухшая шея с наливающимися цветом синяками… я сжала в пальцах юбку, забыла, как дышать. Господи, как он?.. почему?

Тяжелый взгляд соскользнул с моих плеч, оставив на них свой груз, и Кьер сдвинулся с места, направившись прямиком к Арчи.

– Развяжи, – короткий приказ повис в воздухе.

Маг сделал прихотливый жест, и белесые путы растаяли, однако Арчи не торопился подниматься, глядя на герцога круглыми глазами.

– Встань.

Виконт продолжал сидеть, ошалело глядя наверх. Многозначительный взгляд, и маг подхватил Арчи под плечо и вздернул, ставя на ноги.

– Ваша светлость… – пролепетал тот, с трудом раздирая пересохшие губы.

Кьер замахнулся, и я торопливо отвела взгляд, вот только в уши все равно ворвался характерный хруст сломанной переносицы.

Арчи завопил, но тут же захлебнулся собственным воплем под глухой звук второго удара. Я вздрогнула, все же вскинула ресницы и застала третий, пришедшийся по почкам да так от души, с грозовой вспышкой магии, что виконт снова повалился на пол, скуля и постанывая, размазывая по лицу кровь. Мне на мгновение показалось, что разъяренный герцог добавит ему еще и начищенным до блеска носком ботинка, но Кьер сдержался. С видимым усилием разжал стиснутые челюсти и произнес:

– Если я еще хоть раз услышу твое имя в каком бы то ни было контексте, я сровняю тебя с землей. Понял?

Арчи корчился на полу, не отвечая. Тогда Кьер присел на корточки, схватил его одной рукой за грудки и подтянул к себе.

– Понял?

– Да, ваша светлость, – прогнусавил виконт, и герцог швырнул его обратно и выпрямился, брезгливо отряхнув после этого руки.

Он повернулся в мою сторону, и я пружиной подскочила с дивана, несмотря на дрожащие колени. Пошатнулась, чуть не упала, но вовремя была поддержана вторым из спасителей, а вернее, как я начинала смутно догадываться – охранников.

Невозможность говорить почему-то разрывала грудную клетку, дышать становилось все тяжелее, перед глазами поплыло, я увидела, как Кьер делает шаг в мою сторону и… с некоторым удивлением лишилась чувств.

Роль 10. Виновница

Запах нашатыря врезался в нос, я поморщилась, закрутила головой, пытаясь от него отвернуться, но чьи-то ладони сжали плечи, заставляя замереть, а над ухом раздалось негромкое:

– Ш-ш-ш-ш, миледи, не двигайтесь.

Голос был чужой, но тихий и ласковый.

Я с некоторым трудом разлепила ресницы, и увидела склонившегося надо мной мужчину лет пятидесяти в позолоченном пенсне. Раздражающая нашатырная вонь никуда не делась, хотя ватку со спиртом никто под моим носом уже не держал, но только спустя несколько мгновений я поняла, что запах этот облаком окутывал самого мужчину. Целитель. Н-да, ирония судьбы.

Я попыталась приподняться, но и эта попытка была пресечена строгим надавливанием на плечи, но прежде, чем целитель успел меня пожурить, сбоку раздался другой голос. Этот я знала прекрасно и прямо сейчас не была уверена, что хочу слышать.

– Эри угомонись ради бога и дай господину Листеру сделать свою работу.

Несмотря на вернувшуюся боль в шее, я повернула голову и поняла, наконец, что нахожусь в герцогской спальне, а сам герцог с многообещающе мрачным видом подпирает стену, скрестив руки на груди. Мне сделалось не по себе, по позвоночнику пробежала холодная дрожь.

– Вот так, миледи.

Целитель утвердил мою голову прямо, чуть приподняв, и принялся осматривать шею. Прикосновения сухих теплых пальцев были едва ощутимы и не причиняли дискомфорта, а вот запах нашатыря значительно усилился, и я против воли поморщилась.

– Больно? – тут же среагировал господин Листер.

Я, благоразумно не открывая рот, отрицательно мотнула головой.

– Леди Рейвен – запечатанный маг, – снова вмешался Кьер, каким-то мистическим образом уловив, что меня беспокоит. – Возможно, ей неприятна ваша магия. – И, помолчав мгновение, он добавил. – Продолжайте.

Я метнула в герцога раздраженный взгляд, тот ответил мне вздернутой бровью. Целитель же немного виновато пожал плечами, улыбнулся:

– Это не займет много времени.

Он сдержал слово и уже менее, чем через четверть часа паковал свои инструменты в черную кожаную сумку. Тошнотворный нашатырный аромат постепенно развеивался.

– Все не так страшно, ваша светлость. – Отчитывался целитель, что показательно, не передо мной. – Гортань и голосовые связки почти не пострадали. Отек под заклинанием спадет через пару часов, хотя трудности с речью могут сохраняться еще несколько дней, так что я настоятельно рекомендую покой, обильное теплое питье и поменьше разговоров.

– А синяки? – уточнил герцог, и мне захотелось натянуть одеяло до самых ушей, чтобы прикрыться

– Помилуйте, ваша светлость, где вы видите синяки? Я же не шарлатан из Черного округа! Всего доброго. Миледи.

И господин Листер ушел, оставляя меня один на один в клетке с разъяренным львом.

В процессе лечения целитель меня все-таки усадил, так что теперь я вжалась спиной в подушки, подумывая, а не сползти ли мне обратно вниз и не притвориться ли снова обморочной дамой. Скандал, в неотвратимости которого я уже не сомневалась, не заставил себя ждать.

– Господи, Эрилин, позволь поинтересоваться, чем ты думала? И я еще наивно полагал, что у тебя в отличие от большинства высокосветских идиоток есть мозги!

Кьер стремительным шагом пересек комнату, обогнул кровать.

– И чем бы все закончилось, если бы я не увидел, как ты позавчера беседовала с этим типом? И не приставил бы слежку?

Он схватился за графин с водой, и я машинально зажмурилась, будто боялась, что он сейчас в меня им запустит. Звук плеснувшей о края стакана жидкости, заглушило продолжение пламенной речи:

– А если бы они просто не успели? Эри, ты женщина, черт побери, а не всемогущая воительница! Ты можешь хоть иногда рассчитывать свои силы исходя из этого?!

Пахнуло озоном. Он там уже огненными шарами что ли швыряется?..

Детское желание полезть под одеяло взыграло с новой силой.

– Пей.

Я открыла глаза и с удивлением уставилась на сунутый мне под нос стакан с водой. Под пылающим гневом взглядом взяла его в руки. Теплый.

Помня о первом неудачном опыте, я сделала маленький глоток. Жидкость скользнула по саднящему горлу, чуть облегчая боль, и я продолжила пить, а Кьер… Кьер тоже продолжил.

– Меня не устроило твое заявление после бала. Когда ты сказала, что разберешься сама. Из-за пустяка ты бы не плакала, а участие в чем-либо серьезном, мне казалось, я заслужил. Но ты известная упрямица, и я отступил, хотя заподозрил, что дело касается одного из моих гостей. А потом я увидел тебя с этим типом возле департамента, и увидел выражение твоего лица… счастливая случайность! Выяснить, что графское семейство владеет поместьем, граничащим с вашим, не заняло много времени. Выстроить версию, исходя из этого, образа жизни виконта и твоих слез – еще меньше. И тогда я еще наивно полагал, что уж теперь-то ты поделишься и позволишь помочь. Как идиот полагал, что ты мне доверяешь.

Кажется, текущее положение вещей, когда я сижу и молча слушаю, глядя на него снизу-вверх, герцога полностью устраивало. Более того – успокаивало и толкало на откровения.

А я неожиданно для себя поняла, что оно меня тоже устраивало. Кьер имел полное право на меня злиться. И выговаривать мне, как маленькой девочке, тоже имел полное право. И даже швыряйся он сейчас этими треклятыми огненными шарами – он все равно был бы прав.

А я нет.

И мое собственное признание за ним всех этих прав стало для меня главным откровением. Поэтому уж лучше я молча посижу и переварю это все.

– А когда ты ушла, так и не сказав ни слова, хотя у тебя в глазах читалась вселенская тоска, тогда я приставил к тебе своих людей. С указанием следить и при необходимости – вмешаться, искренне надеясь, что вмешиваться не придется… Господь всемогущий, Эрилин, чем ты думала?!

Я отставила стакан в сторону, взяла Кьера за руку, под его недоуменный взгляд потянула, заставляя сесть на кровать. А потом, выпутавшись из одеяла, торопливо, пока не успел опомниться, перебралась к нему на колени, обхватила руками за шею и уткнулась носом в плечо.

Герцог тяжело вздохнул, и массивные руки сомкнулись вокруг меня кольцом.

– Ты мне все расскажешь.

Я активно покивала.

– Во всех подробностях.

Я закивала еще активнее.

– Во всех, Эрилин!

Ой, какие мы недоверчивые! Я фыркнула и куснула его за шею. А нечего палку перегибать, пользуясь моментом. Я, конечно, бессловесная, но не обездвиженная же! Впрочем, чтобы получить ответы на вопросы, Кьеру в любом случае придется поднабраться терпения.

Собираясь домой, я перебирала в голове версии для объяснения с родителями. Пока что самым лучшим мне казался вариант проскользнуть в комнату незамеченной и попросить Марианну подать ужин наверх, сославшись на нездоровье. При таком раскладе мой хриплый голос с утра уже никого не удивит. Воскресенье отлежусь, в понедельник на работу полная сил и бодрости. Параллельно с этими размышлениями терзал меня и другой вопрос. И, коль скоро обсудить этот момент все равно еще придется, я уже увереннее наступила на горло самонадеянной гордости и повернулась к герцогу, наблюдавшему за моими сборами с плохо скрываемым недовольством. Направлено оно было не столько на меня, сколько на ситуацию, из-за которой мне «в моем состоянии» приходится двигаться.

– Кьер… – Мне показалось, что голосовые связки трутся в горле друг о друга со ржавым скрипом, но, тем не менее, звук получился хоть и хриплый, но узнаваемый. Правда, для толкания речей определенно непригодный, поэтому я постаралась ужать вопрос до минимума: – Как быть с Арчи?

После того, как мой собственный план провалился с таким оглушительным треском (почти что моих косточек…), я уже не была уверена, что на этого мерзавца может хоть что-то повлиять. В силе герцогских кулаков я не сомневалась, а вот в эффекте, который они произвели на данную конкретную «грушу», – пожалуй. Озвучить все это я, конечно, сейчас не могла, но Кьер понял.

– Не переживай, – в голосе герцога звучала сталь. – Я сумею заставить его молчать.

А через два дня виконт Арчибальд Оллин, несостоявшийся граф Ривер, был обнаружен мертвым.

Узнала я об этом еще от газетчиков, шныряющих по улицам столицы меж спешащих на работу горожан. В несколько расплывчатой, однако, форме…

«Живодер за социальное равенство!». «Новая жертва Живодера! Титул не спасает от убийцы!». «Перед лицом смерти все равны!».

Эти выкрики ломкими мальчишескими голосами заставили ускорить шаг, торопясь скорее добраться до отдела криминалистики, но я даже мимолетно не могла предположить, кто именно скрывался за громкими заголовками.

– Кто? – все еще хрипло выдохнула я, едва войдя в отдел.

И услышав ответ, я не удержалась и медленно опустилась на ближайший стул. Сердце подскочило и забилось бешено где-то в больном горле, я сглотнула сухой ком, стараясь взять себя в руки как можно скорее, но мое потрясение от внимания коллег, конечно же, не ускользнуло.

– Вы хорошо его знали? – участливо поинтересовался Тарн.

– Просто знала. Поместье графов Ривер находится рядом с нашим.

– Мои соболезнования…

– Не стоит, – машинально открестилась я и прежде, чем кто-то успел это заметить и озадачиться, спросила: – Как это случилось?

– Тело было найдено в проулке возле Блейк-клуба. Виконт был его членом и завсегдатаем. Обстоятельства те же, что и всегда – ни свидетелей, ни следов, идентичные показатели амулетов. Вырезаны почки.

Перед глазами стремительно пронеслось воспоминание-образ – как кулак с жесткой силой врезается в пошатывающееся тело.

– Почки… – повторила я.

– Ричи сейчас проводит вскрытие в присутствии адвокатов семьи. Граф сначала вообще требовал, чтобы тело сына вернули ему неприкосновенным, но Трейту удалось уговорить его пойти на уступки.

– Трейту? А герцог?

– Герцога известили, но он пока не прибыл в департамент.

Что может задерживать Кьера в такой момент?! Мало того, что департамент за разгуливающего на свободе Живодера проклинают уже все, кому не лень, а теперь, когда его жертвой пал графский сын… с нас же вообще три шкуры снимут, если не распустят к чертям!

От других мыслей, настырно лезущих в голову, я отмахнулась. Нет. Этого не может быть. Просто не может. Почему? Потому что!

И все же…

И все же я попросила у Тарна опись с места преступления. Внимательно вчиталась, сверяя все детали с тем, что уже зачитала до дыр ранее. Хлороформ. Идеальная рана, нанесенная твердой рукой…

Особое внимание я уделила показателям, которые до сих пор никто не смог объяснить. Все сходится до последнего значка.

У меня отлегло от сердца. Это точно Живодер, а не подражатель, не подделка. Нельзя подделать то, что лучшие криминалистические умы не могут расшифровать. Так ведь? А значит, угроза Кьера заставить Арчи замолчать не имеет к убийству никакого отношения. Просто совпадение. Не может же герцог быть серийным убийцей, это просто смешно.

Но смешно мне почему-то не было. Было нервно, тревожно и отчаянно хотелось прямо сейчас поговорить с Кьером, чтобы убедиться, что случившееся – просто совпадение. Страшное совпадение, которое не имеет ни к нему, ни ко мне ни малейшего отношения.

Я всем сердцем ненавидела этого слизняка Арчи Оллина. Но смерти я ему не желала. По крайней мере, такой смерти.

Вот только отделаться от мысли, что все равно косвенно виноват Кьер, виновата – я, не получалось. Я была теперь абсолютно уверена, что маньяк вырезает у жертв больные органы. Потому что до встречи со мной и с герцогским кулаком, с почками у Арчи все было в порядке…

Попытка заняться делами не увенчалась успехом – сосредоточиться не получалось. Это злило. Еще не хватало, чтобы коллеги заметили мое расшатанное состояние и начали задаваться ненужными вопросами, вроде, с чего это вдруг леди Рейвен, с неженским хладнокровием воспринимающая каждый новый труп, теперь так разнервничалась. И, поняв тщетность усилий сосредоточиться, я отправилась оттирать стол в алхимической лаборатории. Физический труд если и не облагораживает, то отвлекает – точно.

Я так увлеклась битвой с одним особенно упрямым пятном, что даже не заметила, что уже не одна, и вздрогнула, когда от дверей донесся незнакомый мужской голос.

– Леди Рейвен? – звучал он неуверенно.

Вскинув голову, я увидела пожилого статного мужчину в круглых очках и с тростью. Лицо его мне было смутно знакомо, и хоть представлены мы никогда не были, я его узнала. Граф Ривер, мой несостоявшийся свекор.

Я неловко вытерла руки о передник и убрала с лица выбившиеся из прически пряди. Леди! Вид, конечно…

– Искренне соболезную вашей утрате, лорд Ривер, – произнесла я, ничуть не лицемеря. Каким бы человеком ни был Арчи, отцу, который потерял сына, я действительно искренне сочувствовала.

– Благодарю, – скупо отозвался граф, внимательно меня изучая и не делая попыток приблизиться. – Мы, конечно, не имеем чести даже быть представленными, но я хотел бы попросить вас об услуге, леди Рейвен.

– Чем я могу вам помочь? – спросила я с немалым удивлением.

– Найдите убийцу моего сына.

Приплыли.

– Вы знали Арчибальда, – он не спрашивал, он утверждал, и я продолжала напряженно молчать, не зная, что именно известно этому человеку. – Вернувшись в столицу, он отзывался о вас и о семействе виконта в целом, как о милейших людях и…

Граф осекся, помолчал и снова заговорил надтреснутым голосом.

– Я знаю, он был… сложным молодым человеком. Рано потерял мать, я был слишком занят делами, а когда опомнился, спохватился, момент уже был упущен. С моей второй супругой у него отношения не сложились, хотя она искренне любила его как родного. И…

Мужчина снова замолчал. Создавалось ощущение, что он сам не совсем понимает, что и почему сейчас мне рассказывает. Просто горе, распирающее изнутри, пробивается сквозь намертво вколоченные рамки благовоспитанности и выдержки.

– В глубине души он всегда был очень хорошим мальчиком. Просто запутался. А я… я не знал, что с этим делать и предпочел закрыть глаза. И появились другие дети, и с ними все было как-то проще и понятнее, и…

Граф зажмурился, с усилием провел пальцами по глазам, потер переносицу, поправил очки.

– О вас отзываются, как о крайне неординарной личности, леди Рейвен. И поэтому я хочу попросить вас, как специалиста, и как человека, знавшего моего сына. Найдите убийцу.

– Я сделаю все, что в моих силах, лорд Ривер, – негромко произнесла я.

– Спасибо.

Граф почтительно кивнул, прощаясь, развернулся и вышел.

До конца рабочего дня я досидела с трудом. А стоило часам пробить семь, как одной из первых выбежала из отдела, одеваясь на ходу. Сунув первому встречному мальчишке, жаждавшему оказать прохожим любую услугу, записку для матери (убийство, кошмар, задерживаюсь на работе, буду поздно, не ждите), я вскочила в пролетку и уже спустя четверть часа, проскользнула незамеченной в заднюю дверь особняка, выходившую на пустынную улицу. Условиться с Кьером о встрече у меня не было сегодня никакой возможности – он так и не появился в департаменте, поэтому заявляться к герцогу через главный вход я побоялась. Мало ли каких гостей изволит принимать его светлость…

Однако дворецкий, вызванный первым же встреченным лакеем, сообщил, что герцога нет, он уехал с утра и до сих пор не вернулся. Впрочем, лорд Томас здесь, не желает ли леди, чтобы ему сообщили о ее визите?

Леди не желала. Я не была уверена, что смогу сейчас легко и непринужденно болтать с юным лордом на отвлеченные темы, поэтому просто отправилась привидением бродить по особняку, дожидаясь возвращения хозяина и надеясь, что все же он явится раньше полуночи.

Ноги сами потянули меня в комнату изобретений. Почему бы не воспользоваться шансом еще раз все осмотреть без скучающего Кьера за спиной? И хорошенько принюхаться, вдруг фиалковый запах мне все-таки примерещился.

Войдя в комнату, я закрыла за собой дверь и вздрогнула, когда откуда-то сбоку раздалось сдавленное женское «ой».

Я повернулась на звук и встретилась взглядом с Томасом. А из-за спины юного лорда выглядывал край клетчатой юбки и светловолосая макушка, увенчанная шляпкой с фиалками.

– Л-леди Рейвен, – юноша аж запнулся, и рука дернулась, будто хотела задвинуть «юбку» еще дальше за себя. – Какая неожиданность…

– Приятная? – уточнила я, с интересом разглядывая шляпку. Она отчего-то казалась знакомой, а может, это просто мысли о фиалковом запахе магии наложились на вид цветов.

– Очень, – вымученно признал Томас. Еще бы не признал! – А Кьера нет, он еще не вернулся из дворца.

Вот, значит, где пропадает его светлость. Причина уважительная. Кьера мне сделалось тут же жалко, но от этой мысли меня отвлек робко выглянувший из-за плеча Томаса голубой глаз, а потом ойканье повторилось, и девушка вышла из укрытия, уставившись на меня с улыбкой.

– А мы с вами уже встречались!

Шляпка с фиалками и голубые испуганные глаза. Выступление пулисток и облава…

– Томас, я тебе рассказывала, помнишь? – девушка обратила на лорда сияющий взгляд. – Леди помогла нам с Мерилин выбраться из толпы и сбежать от полиции.

Она сделала два шага мне навстречу и протянула руку.

– Спасибо вам еще раз огромное! Меня зовут Джейн. Джейн Свифт.

– Леди Эрилин Рейвен, – я пожала протянутую ладошку и невольно задержала на ней внимание. Рукопожатие было совсем не женским, а кожа ладони – горячей и немного шершавой, совсем не похожей на мягкий бархат юных девичьих пальчиков.

Томас с алеющими ушами, солнечно-беззаботная девочка, друг изобретатель, упоминание о котором не проходит без спотыканий… все это начало складываться в подозрительно четкую картину. Да быть не может!

– Это ваше? – просто уточнила я, кивая на окружающие нас конструкции.

Голубые глаза стали круглыми, как блюдца.

– Как вы догадались?

– Томас много о вас рассказывал, – безмятежно отозвалась я.

– Томас! – возмущенно прошипела Джейн, оборачиваясь.

– Да я ни словом! – оскорбленно возмутился юный лорд, уставившись на меня воспылавшими гневом глазами. – Я говорил, что у меня есть приятель!

– Да-да, приятель, кто же спорил, – согласилась я.

К алеющим ушам Томаса добавился проступивший на щеках Джейн румянец, неловкость нарастала, и чтобы разрядить ее я поинтересовалась, ткнув в первую попавшуюся штуковину:

– И что же это такое?

– Ой, вы знаете, все что стоит здесь – это исключительно неудачные эксперименты, – Джейн опустила глаза в пол. – Просто… разобрать их нет возможности, пока они не… в общем, нельзя. А дома у нас места для хранения недостаточно, и Томас любезно предложил свою помощь…

Ну конечно, для чего еще строился герцогский особняк, как не для складирования неудачных изобретений!

Два юных партизана. Томас скрывал девицу, девица, судя по оговоркам, скрывает что-то другое. Впрочем, ее как раз можно понять. Верх безрассудности пускаться в детальные беседы о своих работах с первым встречным.

Зудевший на губах вопрос о магии, ощущаемой в механизмах, я в свете этого приберегла на потом. Что-то подсказывало мне, что раз уж судьба столкнула нас в толпе пулеток, а потом свела здесь, то новой встречи не избежать.

– А вы интересуетесь наукой? – голубые глаза смотрели на меня почти с надеждой.

Изобретательница. Гений. Пулистка. Юное создание, дышащее энтузиазмом и желанием перевернуть мир. И, судя по всему, во мне она сейчас усиленно пытается отыскать сестру по разуму, не предполагая даже, что на той площади в тот день я оказалась случайно.

– Нет, от науки я далека, – улыбнулась я и, прежде чем солнечное личико омрачила тень разочарования, добавила: – Я работаю магическим криминалистом.

– О-о… – уважительно протянула девушка, оглянулась на Томаса, и протараторила: – Вы знаете, мне, к сожалению, уже пора бежать, но мне очень-очень хотелось бы познакомиться с вами поближе. Я могу пригласить вас на чай? Мой отец, я уверена, тоже будет очень рад позна-

комиться! Мы живем на Шестой Университетской улице, 12. Отцу выделили дом от университета… приходите в любой день! А лучше даже на ужин!.. я ведь могу пригласить вас на ужин?

И она снова бросила взгляд на Томаса, будто хотела уточнить, можно ли так обращаться с леди.

– Несомненно, можете.

Настроение, после всех событий последних дней, колеблющееся где-то между «все отвратительно» и «все еще хуже, чем отвратительно» волей-неволей поползло в сторону «а все не так плохо, как кажется».

– Тогда мы будем ждать вас завтра!

– Дже-ейн! – братец Кьера, наконец, соблаговолил подать голос, больше похожий сейчас на шипение. Кажется, намерение его «приятеля» свести со мной более близкое знакомство его не то, чтобы вдохновило.

– Послезавтра? – неуверенно исправилась изобретательница.

Теперь Томас сверлил взглядом меня.

– Давайте мы спишемся и условимся о встрече. – Я этот взгляд с достоинством проигнорировала. – Ваш адрес я запомнила и непременно вам напишу.

– Хорошо. Ну… мне пора!

Я кивнула и вместе с парочкой двинулась прочь из Кладбища Неудавшихся Изобретений, как я теперь мысленно величала эту комнату.

– А вы?.. – Томас ненавязчиво втиснулся между мной и изобретательницей.

– А я в библиотеку, – безмятежно ответила я, прекрасно зная, что она лежит по дороге к черному входу. Вряд ли, скрывая девицу от Кьера, мальчик потащил бы ее через парадный. – Расскажите мне, Джейн, как же вы познакомились с Томасом?

– О, мы столкнулись однажды возле университета в Альбурге. Я уронила книги, Томас помог их собрать, мы разговорились, я обмолвилась, что мой отец профессор, преподает физику и механику. И Томас сказал, что очень интересуется этим предметом, ну и…

Ох, что-то подсказывало мне, что интерес к физике и механике проснулся у юного лорда исключительно после столкновения с хорошенькой профессорской дочкой!

– А вы… ему родственница?

– Друг семьи, – невозмутимо отозвалась я. – Очень близкий!

Томас поперхнулся неозвученным возмущением, и от очередного едкого комментария его спасла только дверь библиотеки на моем пути.

– Всего вам доброго, Джейн.

– До свидания, леди Эрилин! Я буду ждать вашего письма!

И почему-то я совершенно не удивилась, когда спустя несколько минут, Томас, проводив своего «приятеля», нашел меня в библиотеке.

– У вас это наследственное? – поинтересовалась я, едва он перешагнул порог.

– Что? – озадачился юный лорд.

– Выбирать для отношений глубоко неподходящую партию.

– Да как вы… да мы… и вообще Каролайн вышла замуж за форсийского герцога!

– Ясно, значит, передается по мужской линии.

– Да с чего вы вообще взяли, что?..

– Мой юный друг, я, может быть, конечно и не гений, но глаза имеются не только у них.

Томас пересек комнату и сел в кресло напротив меня.

– Кьеру не говорите, пожалуйста! И Джейн, она не знает… и вообще, никому не говорите!

Ой, да пожалуйста. Буду молчать, мне совершенно, ни капельки не сложно. И что изобретательница однозначно пылает к герцогскому брату ответными чувствами, я тоже никому не скажу. Меня же попросили…

– Не переживайте, лорд Томас, я унесу вашу тайну в могилу, – пробубнила я загробным голосом.

– Опять вы надо мной смеетесь, – упрекнул юноша.

– Это моя слабость – смеяться над пылкими увлеченными мальчиками.

На удивление, на «мальчика» Томас совершенно не обиделся, а выдал и вовсе неожиданное:

– Вы только над Джейн не смейтесь. Ей непросто приходится, хоть она этого никогда и не показывает.

– Над пылкими увлеченными девочками, лорд Томас, я не смеюсь, я их поддерживаю.

– А почему же тогда?..

– Потому что мальчиков есть кому поддерживать и без меня. Общество у нас такое.

Брат Кьера смерил меня долгим задумчивым взглядом.

– Можете и дальше надо мной смеяться, но я рад, что Кьер вас встретил.

– Вот как? – удивилась я. – А я-то думала, вы проклинаете тот день и час…

На очередную шпильку юный лорд не обратил ни малейшего внимания, кажется, начал вырабатывать иммунитет. Молодец! Растет!

– Вы знаете, – он уставился себе в ноги и заговорил как-то излишне торопливо, будто боялся, что я не стану слушать. – Ему очень нелегко пришлось. Отец был очень жестким человеком и строг с нами со всеми, но к Кьеру он был особенно требователен. Во всем. Он задался целью вырастить идеального наследника, человека, который может управлять герцогством и служить королю так же, как делал это он сам. А когда у Кьера открылось «окно», то к списку требований добавилось еще и безукоризненное владение магией…

Томас метнул взгляд на дверь, на меня, снова уперся им в пол.

– Отец был против запечатывания, считал это слабостью. Считал, что его сын обязан суметь взять это состояние под контроль, а не идти по пути наименьшего сопротивления. «Должны» и «обязаны» это вообще единственный слова, которые мы слышали в свой адрес от отца, а Кьеру их перепадало еще в два раза больше. И Кьер подчинялся. Ему все подчинялись. Ни минуты свободного времени и тотальный контроль. Удивительно, как после его смерти Кьер не сорвался и не пустился во все тяжкие, наверстывать упущенное.

Я сидела и молчала, с интересом вслушиваясь в неожиданный сбивчивый монолог. Кьер не любил говорить о прошлом, и я не настаивала – свое я тоже не особенно любила. Но сейчас, когда о нем рассказывал Томас, появилось какое-то странное ощущение, будто то, что он рассказывает – очень важно. Будто это знание поможет мне лучше понять, что на самом деле представляет из себя герцог Тайринский.

– Он перенял дела отца, занял его место при дворе, заменил его нам с Каролайн. Когда он устроил ей брак с приглянувшимся на балу герцогом Алуйским, сестрица пищала от восторга, как канарейка. И… – Томас хотел, кажется, перечислить еще кучу достижений брата, но сообразил, что это может затянуться, осекся и подытожил смущенно: – Я всегда им восхищался, всегда. И мне казалось, что все это Кьеру ничего не стоит. Я понял, что ошибался, только когда вернулся домой сейчас. Ему хорошо с вами, леди Эрилин, по-настоящему хорошо. Я никогда не видел, чтобы он столько улыбался. Да и вообще, чувствуется, что он оживает, будто внутренние путы ослабляются.

Ох, сегодня прямо день откровений. То, в какую сторону завернул свою речь юный Томас, меня, признаться, очень озадачило. И, надо признать, взволновало. И согрело. И…

К счастью, никак реагировать на столь внезапное заявление не пришлось. Дверь в библиотеку отворилась, явив нам герцога собственной персоной. Он перевел взгляд с брата на меня и произнес:

– Судя по выражению ваших лиц, темой животрепещущей беседы был я. Все кости перемыли или мне вернуться через полчасика?

– Все-все, – не стал отпираться Томас, опередив меня, и подскочил с места. – И вообще у меня дела, всего доброго, братец.

Одарив меня на прощание полупоклоном, мальчишка проскочил мимо Кьера и был таков. А герцог пересек комнату, тяжело опустился на освободившееся место и откинул голову на спинку, прикрыв глаза.

Я молча поднялась, подошла к стоящему неподалеку столику, щедро плеснула в бокал виски из хрустального графина.

– Держи. – Я протянула бокал Кьеру. – Вид у тебя такой, будто тебе не помешает выпить.

– Пожалуй.

Я собралась вернуться на свое место, но герцог ухватил меня за ладонь и притянул к себе на колени. Сделал большой глоток, отставил виски в сторону и обвил мою талию обеими руками, лишая возможности высвободиться. Как будто я собиралась…

– Я не ждал тебя сегодня.

– Я бы хотела сказать, что приехала потому, что ужасно соскучилась, но это будет не совсем правда.

– Не совсем? – Кьер уткнулся носом мне в шею.

– Но чуть-чуть правда!

– Ах чуть-чуть?

Какое-то время тишину библиотеки разбавляли лишь мое сдавленное хихиканье и шорох юбок, пока я ерзала и извивалась, пытаясь увернуться от щекочущих поцелуев. А когда герцог, наконец, угомонился – пристроила голову на его плече. Я поглаживала кончиками пальцев лацкан сюртука и испытывала острое чувство жалости. Казалось бы, кого жалеть – герцог, владелец огромного состояния, сравнимого с королевским, глава департамента, маг, красивый мужчина. Что еще можно пожелать? А мне все равно было жалко человека, у которого практически никогда не было свободы выбора.

Поэтому я просто тихонько наблюдала, как Кьер медленно опустошает бокал, глядя куда-то в пустоту и рассеянно поглаживая-почесывая меня по спине, как пригревшуюся на коленях кошку.

– Все плохо? – Все же решилась я, когда виски было допито и пустой бокал с холодным стуком встал на столик.

– Эдгар в ярости. Сначала выброс в центре столицы, теперь еще и это. От меня требуют немедленных мер. Впрочем, главе полиции и главнокомандующему тоже досталось. Ну а совсем по правде, досталось вообще всем, кто сегодня подвернулся под монаршую руку. В дни, как этот, мне хочется подать в отставку и свалить куда-нибудь к Дьяволу из страны.

Не подаст. И не свалит. И я, и он это прекрасно знали.

Слова поддержки и утешения я озвучить не успела, Кьер заставил меня выпрямиться, чтобы посмотреть в глаза.

– Зачем ты приехала, Эрилин?

– Поговорить насчет убийства, – честно признала я.

Взгляд герцога потяжелел.

– Только не говори, что думаешь, будто Живодер – это я!

– Нет, не думаю, – я успокаивающе погладила его по плечам. – Но я не могу без оснований предположить, что это просто совпадение.

– Значит, основания предполагать, что это не совпадение, у тебя есть.

Я чувствовала, как в Кьере нарастает глухое раздражение, и поторопилась произнести:

– Подожди. Не злись. Дай я объясню.

Герцог бросил на меня мрачный взгляд исподлобья и, забывшись, снова потянулся к бокалу. Я соскочила с колен, выхватила его из пальцев и отошла, чтобы повторно наполнить. А, поразмыслив, перенесла на стол рядом с креслом весь графин.

– Помнишь, во время моего дежурства, у тебя в кабинете мы читали отчет? И я еще обмолвилась тогда, что забавно – у пьяницы вырезана печень.

Кьер кивнул, однако упоминание о приятной ночи его взгляд не смягчило, поэтому я поторопилась продолжить:

– А потом, когда я была в Тарнхиле, где все указывает на то, что похозяйничал там наш же Живодер, жена убитого подтвердила, что у него была язва желудка. Которую ему вместе с желудком маньяк любезно удалил. Я еще тогда предположила, что убийцу интересуют больные органы, но, поскольку основанная на этом версия благополучно провалилась, я эту идею больше толком не думала. Но теперь, когда у Арчи…

Герцог поморщился, будто вместо великолепного виски хлебнул лимонный сок.

– Лорда Оллина, – поправилась я, сообразив, что именно его задело, – были вырезаны почки – я уверена, что Живодер целенаправленно вырезает у людей именно больные органы. Таким образом мы с тобой становимся в некотором роде причастными к убийству, потому что…

– Я причастен к убийству, потому что отбил этой твари внутренности, – зло поправил Кьер. – Ну, и что дальше? Если тебе хочется знать, не жалею ли я об этом – то нет абсолютно. Я бы свернул ему шею и сам, так что даже рад, что удалось поспособствовать этому богоугодному делу.

У меня создавалось ощущение, что я разбудила только-только уснувший вулкан. Во дворце Кьеру, очевидно, и впрямь сильно досталось. И так мало приятного выслушивать безосновательные обвинения, не имея возможности на них ответить, а тут еще и я с больной мозолью. Но что-то подсказывало мне, что если я сейчас попытаюсь улизнуть со словами: «Ты устал и не в настроении, давай поговорим завтра», – то станет только хуже. Поэтому я продолжила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– В свете этого напрашивается вопрос. Допустим, вычислить пьяницу проблемы не составляет, и узнать, что у человека язва, особенно в маленьком городке, где все друг про друга знают все, вплоть до бородавок, тоже не сложно. Пока нельзя судить о том, что за проблемы со здоровьем были у остальных убитых, но в случае с лордом Оллином… прошло совсем мало времени? Отбитые почки на лице не написаны, как убийца о них узнал?

– Мало ли кому этот идиот мог растрепать?

– Не знаю, – я покачала головой и прошлась туда-сюда вдоль окна. – А в своих людях ты уверен?

– Более чем, – Кьер произнес это абсолютно непререкаемым тоном.

– То есть ты уверен, что если кто-то будет копать в этом направлении, то цепочка событий не приведет к тебе? Как именно ты собирался заставить его молчать?

– А копать будешь ты? – Герцог откинулся на спинку стула и покачал бокал в руке. – Прежде, чем говорить об этом, ты сама задолжала мне объяснение, Эри.

Я мысленно взвыла – ну не об этом же речь! По крайней мере, не сейчас! Внутри зудело ощущение, будто я нахожусь на грани какого-то важного вывода, а необходимость иметь дело с готовым взорваться мужчиной отчаянно тормозило разгадку. А теперь еще отвлекаться на посторонние, не имеющие отношения к делу разговоры. Которые, ко всему прочему, настроение Кьеру точно не улучшат.

– Хорошо. – Я обошла кресло, села в него, положила на колени сцепленные в замок руки. – Он был моим любовником.

От этих простых слов Кьера аж перекосило. Хотя, подозреваю, он и без того догадывался о причине наших с Арчи «разногласий». Но одно дело догадываться, другое – услышать из моих уст.

– Это было восемь лет назад, еще во время опалы, когда он приехал отбывать «ссылку» за плохое поведение. Я думала, что он собирается на мне жениться, но, как видишь, ошибалась.

Мы встретились снова на твоем балу, и лорд Оллин попытался… возобновить отношения. Идея не вызвала у меня энтузиазма. И тогда, испытывая острую нужду в деньгах из-за своего образа жизни, он не придумал ничего лучше, чем шантажировать меня этой давней связью.

Говорить было тяжело. Я пыталась сжать откровение как можно сильнее, чтобы быстрее с ним разделаться, и голос звучал сухо, неприятно царапая еще не до конца зажившее горло. Мне не хотелось себя оправдывать, не хотелось приукрашивать действительность. Если Кьер так хочет знать – пусть знает.

– Он потребовал пятьсот толлов и дал мне срок до субботы. Как ты догадываешься, у меня таких денег не было, а если бы и были, я не настолько глупа, чтобы отдавать их ему вот так. Я попыталась вызнать о нем побольше, и выяснила, что лорд Оллин погряз в долгах, причем если сесть и посчитать общую сумму того, что он должен людям высшего света, все это и проценты, то из долговой ямы виконту не выбраться даже если вступится папенька. Не говоря уже о том, какой резонанс такое дело произведет в обществе.

Я перевела дух и пожалела, что кроме виски на столе ничего нет. Стакан воды мне бы не повредил.

– Мне виделся один единственный вариант заставить молчать шантажиста – это шантажировать его в ответ. И тогда я пошла в банк. Они готовы были предоставить мне кредит, достаточный для того, чтобы выкупить большую часть долговых расписок Арчи. Пришлось бы отдавать им все жалование в течение трех лет, но… отец все равно не берет моих денег, так что никто и не заметил бы их исчезновения, и я решила считать это платой за наивность. Да, по сути вышло бы, что лорд Оллин получил свои деньги. Но так я была уверена, что он будет молчать. А чтобы убедиться в этом, я не стала брать кредит сразу, а сделала несколько фальшивых расписок и пошла с ними к виконту. Я предполагала, что он будет в бешенстве, но подумать не могла, что… – я осеклась, сглотнула, и закончила: – Что он попытается меня убить. Судя по брошенной реплике, он связался с кем-то, кто будет грозить ему отнюдь не долговой ямой, поэтому тот факт, что я пришла без денег…

Я замолчала. Больше мне сказать было нечего. И по правде говоря, я была бы не против, если бы и Кьер ничего не говорил, а просто успокоился, получив ту правду, которую он так желал. Впрочем, на это надеяться было бессмысленно.

– Теперь понятно, почему ты так безрассудно пошла к нему одна, – фыркнул герцог.

– Прости? – Я нахмурилась.

– Надеялась, что в глубине души он помнит о ваших трепетных чувствах и не причинит вреда?

Эти слова заставили меня поморщиться, как от сильнейшей зубной боли.

– Перестань. Мне и без того противно и тошно. Утешает меня только мысль, что все ограничилось тем, что я подарила ему свою невинность. И никаких трепетных чувств не было. Я поверила, он воспользовался и сбежал на следующий день.

Очень хотелось огрызнуться в ключе: «Все? Удовлетворил любопытство или нужны еще подробности?» – но я с большим трудом все же сдержалась. Он и без того взвинченный, ни к чему подобные провокации. Двух мужчин, жаждущих меня придушить, моя нежная душевная организация (и шея!) не перенесет.

Усилие не пропало даром. Кьер с силой потер лицо, пытаясь то ли взбодриться, то ли стряхнуть с себя неприятные ощущения, вызванные разговором, помолчал немного и нехотя произнес:

– Ладно. Давай о делах. Что там с этими чертовыми отбитыми почками?

Тон мне все же не нравился категорически. Слишком уж был злой. И пусть злость эта, по ощущениям, была направлена не конкретно на меня, а на все, что случилось с герцогом за последние дни в целом, все равно было как-то… боязно. И я уже немного жалела, что прибежала в особняк с такой поспешностью.

– Кьер, может…

– Рассказывай, – безапелляционно отрезал герцог, перекрывая пути к отступлению.

Я потерла лоб, пытаясь отыскать в голове потерянную мысль. Живодер, больные органы, Арчи…

– Мы остановились на том, что я причастен к гибели лорда Оллина, – с легкой ядовитой ноткой подсказал Кьер.

– Да! То есть нет. То есть исключительно, как причина заболевания его почек, но если кто-то об этом узнает, то…

– А что тебя однозначно убедило, что это не я? Ну, помимо моего безграничного обаяния.

А и правильно, пусть лучше так злость сцеживает, чем копит ее в себе. Поэтому на шпильки я не обращала внимания, а продолжала рассуждать.

– На время одного из убийств у тебя имеется неопровержимое алиби, это раз. То есть Живодером на постоянной основе ты быть не можешь. А версия с подделкой под него не выдерживает никакой критики. Помимо того, что ты, насколько мне известно, не имеешь хирургического, криминалистического или прочего, связанного с прицельным вспарыванием людей образования, я не представляю, как кто-либо мог подделать те колебания фона, которые считывают наши амулеты и артефакты. Мы, специалисты, не можем определить их природу, к тому же они больше никогда и нигде не…

Я осеклась. Озарение накрыло меня приливной волной, вымыв из головы все прочие соображения. Господи ты боже мой, какая же я идиотка!

Я в прямом смысле схватилась за голову – запустила пальцы в волосы и потерла виски. Разгадка маячила у меня перед носом уже такое долгое время, а я, увлеченная новой тайной и собственными личными переживаниями, совершенно о ней забыла. Такие показатели уже встречались в криминалистической практике! И я ведь даже выяснила уже где, когда и при каких условиях.

Испытания новой печати и массовые убийства людей. Я ведь пошла к старой ведьме по одной-единственной причине: магические показатели тех прошлых убийств совпадали с нынешними.

– Эри? – голос Кьера выдернул меня из лихорадочных размышлений, и я внезапно поняла, что должна все-все ему рассказать. Прямо сейчас и не медля ни секунды. И если он меня убьет за очередную жизненно важную тайну, то по крайней мере, это будет на благо Отечества!

Я подскочила и прошлась туда-обратно, нервно сжимая пальцы одной руки ладонью другой и мысленно выстраивая проведенное расследование в логическую цепочку.

– Эрилин!

– Да-да, сейчас… ты сидишь? Сиди!

А я бы предпочла куда-нибудь за шкаф спрятаться и вещать оттуда, но кто бы дал такой шанс. Поэтому я зашла за спинку своего кресла и вцепившись ногтями в обивку начала рассказывать. Про от скуки просмотренные бумаги из архива и вялое любопытство, про поход к старой ведьме, про печати – старую и новую, – про страшную тайну далекого прошлого, завесу над которой мне удалось приоткрыть. Про изобретателя, про его ученика «Профессора», про убитого Майка и родство Стэнли с тогдашним главой департамента, при прикрытые им убийства, неразгаданные и запрятанные в архив. И про то, что все это более, чем вероятно (Господи, чем раньше была забита эта светлая голова?!), имеет непосредственное отношение к убийствам сегодняшнего дня.

Потому что, несмотря на заверения многоуважаемого профессора Блайнта о том, что в наше время печать не может быть поставлена неправильно, сейчас я была уверена – с нашим Живодером именно это произошло.

Я рассказывала все это воодушевленно, торопливо, опасаясь, что он вмешается с каким-нибудь вопросом и собьет меня со стройного повествования. Герцог слушал меня внимательно, не перебивая. Молча сверлил бездонно-черным задумчивым взглядом, и я уже почти перестала бояться и почти начала верить, что обошлось.

Ровно до того самого момента, как Кьер, опершись руками на подлокотники, не подался вперед и не произнес спокойным-спокойным ласковым-ласковым голосом:

– Ты поправь меня, если я ошибаюсь…

А потом он медленно поднялся, и у меня заледенели пальцы, а в ушах зазвенел приближающийся громовой раскат.

– То есть ты сама взялась за старое путаное дело, не имея на то указаний начальства. Сама – одна! – пошла в Черный округ к сестре потенциального убийцы. И потом сама копалась в деле, в котором работали профессиональные ликвидаторы. В деле, которое могло стоить тебе головы? Сама!

Голос его, сначала тихий, становился все громче и громче, и Кьер уже не просто говорил, он орал, и стакан из-под виски лопнул, рассыпался бриллиантовыми брызгами, и каминная решётка загудела, а книги посыпались с полок, но не попадали на пол, а завертелись в воздухе. Острый запах грозы кружил голову, мешал дышать, и я стояла, оглушенная закручивающимися потоками силы, и чувствовала, как шевелятся в волосах шпильки, норовя покинуть прическу…

– И Господи, а я еще удивлялся, что она поперлась одна к этому подонку и опиоману! Я еще переживал, как она оказалась на облаве самоучек! Тоже – сама!! Проверить остроту гильотины ты тоже сама голову сунешь?!

Я стояла не шевелясь, не дыша, и только мысль мелькнула – это он еще про пулеток и панику на площади не знает…

– Да как ты вообще дожила до сего дня с таким полным отсутствием представлений об опасности?! А поезд? Если бы я не вернулся, где бы ты была сейчас? На дне Оливии?! И ради кого! Случайного попутчика!.. Зато – сама!

И когда список моих прегрешений иссяк, Кьер замолк, тяжело опершись на стол, склонив голову так, что волосы скрыли лицо. Книги с хлопками попадали на пол и в библиотеке воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумным дыханием.

– Мне… уйти? – осторожно уточнила я, сделав шаг в сторону. Под туфлей звонко хрустнул осколок стекла.

– Стоять.

Я послушно замерла. Кьер сам приблизился, неожиданно подхватил меня на руки, и вынес из библиотеки, опустив на пол сразу за ее дверями.

– Уберите там, – сухо бросил он замершему изваянием лакею. – И подайте ужин в малую столовую. Живее.

Весь путь до столовой прошел молча. Кьер молчал и пока слуги проворно накрывали на стол. В тишине прошел и ужин. Стоило мне попробовать открыть рот, как герцог метал в меня такой многозначительный взгляд, что я торопливо закидывала в этот рот кусок мяса и молчала. И только когда со стола унесли десерт, и на нем осталась только бутылка красного вина и два бокала, Кьер заговорил.

– Ты прекрасно поработала, Эрилин. И ты продолжишь свое расследование, потому что я не имею никакого морального права у тебя его отбирать. Но. Начиная с сегодняшнего дня куда бы ты ни отправилась по делам расследования, ты берешь с собой моего охранника. И что опасно, а что нет решает он, а ты слушаешь и выполняешь, ясно?

– Но…

Черный взгляд вперился в меня, как иглы ведьмы вуду в тряпичную куклу.

– Далее. Прежде, чем кидаться по всем окрестным артефакторам, ломать себе ногу и ловить маньяка на живца, ты досконально выясняешь все детали прошлых убийств. Все ли

замешанные в том деле мертвы? Выясни это. Перечитай архивы, перерой дневники и записи, все что удастся найти, все что сохранилось. И только потом ты осторожно – осторожно Эрилин! – начинаешь выяснять, как в наше время могла случиться подобная оплошность, почему она первая за тридцать лет, кто ее совершил и как нам отыскать человека с неправильной печатью.

– Но я могу делать это одновременно и…

– Леди Рейвен. – Исключительно деловой тон заставил едва ли не вытянуться по струнке.

– Да, ваша светлость?

– Вы хотите вылететь из департамента?

– Нет, ваша светлость.

– Тогда помолчите.

– Да, ваша светлость.

Я выпрямилась с дивно торжественным лицом и заметила, как уголки мужских губ дрогнули в невольной и быстро задавленной улыбке. Кьер взял бокал, покачал его в руке и отставил в сторону, положил на стол сцепленные в замок руки.

– Эрилин, это не шутки. Я знаю, что ты привыкла все свои проблемы решать самостоятельно, но тебе сейчас надо понять, что не все их самостоятельно можно решить. Воришку с ножом из Черного округа не остановит твой очаровательный вид или меткое слово. Как оно не остановило виконта. Я понимаю, что ты выбрала для себя занятие и не отступишься, и не собираюсь тебя отговаривать. В конце концов, именно этим ты меня в первую очередь и восхитила. Но я просто хочу создать хоть какие-то гарантии того, что ты при этом не свернешь себе шею.

Я протянула руку и положила пальцы поверх мужских ладоней. Погладила шершавую кожу.

– Я понимаю. Спасибо.

И я действительно понимала. Причем понимала гораздо больше, чем следовало бы.

Когда я подъехала к дому, все огни в нем еще ярко горели. Что не удивительно – слишком засиживаться у герцога я не стала. А вот тот факт, что семейство всем составом высыпало встречать меня в холл, порядком озадачил.

– Ну наконец-то, – маменька всплеснула руками и закатила глаза.

– Что-то случилось? – удивленно поинтересовалась я, стягивая печатки, шляпку и отдавая их Марианне. – Извините, у нас происшествие и полный аврал. Надеюсь, вы поужинали без меня?

– Тебя дожидаться – с голоду можно помереть, – буркнул Грей, правда, почему-то с донельзя довольным выражением лица.

– Случилось! – категорично заявила виконтесса и, взяв меня под локоть, потянула в гостиную. – Но Грей отказывается рассказывать, что именно, пока мы не соберемся всей семьей! Я уже два часа страдаю от любопытства! Между прочим, я говорила, что твоя работа приносит сплошные неудобства и никакого, даже морального вознаграждения!

Я сладко улыбнулась маменьке, привычно пропуская мимо ушей ее монолог мимо ушей и не делая попыток превратить его в диалог. Хотя насчет вознаграждения мне было бы что сказать! По крайней мере, малахитовые бусы, которые сейчас украшали шею виконтессы, были куплены с моего первого жалованья. И не похоже, что этим вызывали у маменьки отвращение…

Леди Рейвен чинно опустилась на диван, дернув меня вместе с собой, расправила складки платья (незаметно – и моего в том числе) и сложила ладони на коленях, приняв вид важный и внимательный.

Отец устроился в любимом кресле, а брат так и остался стоять, сияя как начищенный толл. Выдержав значительную торжественную паузу, он произнес подрагивающим от радости голосом:

– Позвольте представиться! Лорд Грей Рейвен, лейтенант пятого взвода, четвертой роты Карванонского полка!

Маменька ахнула, папенька застыл с ошеломленным и одновременно счастливым выражением на лице, а Грей смотрел на нас ликующим взглядом и таким счастливым я не видела его еще никогда в жизни.

– Боже правый, – мама промокнула глаза платочком и тут же распорядилась: – Это нужно отметить! Марианна! Марианна! Шампанского подай, немедленно!

Пока горничная бегала за бутылкой и бокалами, пока разливала, Грей, выпятив грудь, вещал о том, что он знал – знал! – что его усилия будут вознаграждены по достоинству. Что он не зря трудился не покладая рук на благо короны! И что есть в этом мире справедливость.

В продвижении Грея по службе было и впрямь что-то сравнимое с чудом. Все те, с кем он начал служить уже давно получили новые чины, а некоторые уже и по паре раз, только сын опального виконта продолжал с упорством топтаться на месте, вкладывая в службу всего себя и пытаясь доказать всем окружающим, что он – достоин. Что его семья верна короне и готова служить ей, не щадя своей жизни. Вот только никто из командующих не готов был взять на себя ответственность поощрить юного лорда. Недели три назад Грей вообще пришел домой мрачный как туча: один из командиров по-дружески посоветовал ему подать в отставку. По той простой причине, что здесь он признания своих заслуг не найдет. И тут на тебе, такая приятная неожиданность!..

И на фоне сегодняшних разговоров и с Томасом, и с Кьером меня вдруг посетила одна мысль.

В чудеса я давно не верила, а вот в то, что могущественный человек, приближенный к королю, мог замолвить словечко и юному офицеру дали повышение и шанс проявить себя – очень даже.

Ах, герцог, опять вы меня обхитрили, подсунув непрошеный подарок!

Как бы там дальше с нами ни было, как бы все ни сложилось – но спасибо тебе, Кьер, герцог Тайринский, за сегодняшнее счастье моего брата. Может быть, тень твоей поддержки и поможет ему вырваться из ямы дурной репутации рода и построить эту клятую военную карьеру, раз уж он так ее хочет!

Впрочем, все мое умиление смыло в мгновение ока, когда брат повернулся ко мне и поинтересовался:

– …мне и жалованье повысили в два раза! Эрилин, может, ты теперь бросишь наконец свою работу? Мы с отцом вполне сможем вас содержать!

Взгляды всех присутствующих обратились на меня практически с надеждой. Даже в глазах отца мелькнуло что-то такое, правда, есть подозрение, что он желал не столько моего расставания с должностью, сколько расставания с тем, кто мне эту должность дал. Впрочем, аргумент на это у меня был.

– А бриллианты? – нарочито капризно поинтересовалась я, пригубив шампанское. – Твоего жалованья хватит на бриллианты?

– Н-нет, – запнувшись, отозвался Грей и даже слегка порозовел.

– Ну вот когда будет хватать, тогда мы и вернемся к этому вопросу!

Маменька закатила глаза и поджала губы. Братец тяжело вздохнул, мысленно испросив Господа, за что ему такое наказание, отец только дернул уголком губ, задавив улыбку. А когда шампанское закончилось, и мы вознамерились расходиться каждый к себе, он вдруг посмотрел мне в глаза и произнес негромко:

– Эрилин, на два слова.

И под громкое ворчание «опять у них секреты от бедной, больной, никому ненужной женщины!» я проследовала за отцом по коридору. В отцовском кабинете пахло бумагами, чернилами и немного сигарами – виконтесса просила не злоупотреблять, и папенька послушно не злоупотреблял, утешая себя контрабандной бутылочкой хорошего коньяка, спрятанной за собранием сочинений известного экономиста Вильяма Дорлема. Впрочем, я подозревала, что маменька о бутылочке прекрасно осведомлена, но в коньяке видит меньше вреда, чем в сигарах. А то и сама иногда потихонечку «употребляет» вместо капель.

Мысли эти, неожиданно теплые, вдруг дали мне понять, что по отцовскому кабинету я соскучилась. И вообще – по отцу. По его незримой поддержке, по доброму слову. И мне очень не хватало этих бесед наедине в маленьком, но знакомом до малейшего книжного корешка кабинете.

– Герцог постарался? – спокойно, без особых эмоций спросил отец, направляясь прямиком к Дорлему.

Я промолчала, потому что с полной уверенностью на этот вопрос все же ответить не могла, но папу и такой ответ, кажется, устроил.

– Значит, все-таки он, – кивнул отец. Тихонько звякнула о горлышко хрустальная пробка, и янтарная жидкость плеснула о края коньячной рюмки. – Милость любовника – не слишком надежная дорожка.

– Я его ни о чем не просила, папа!

Отец сел в кресло и устало потер переносицу.

– Я знаю, девочка моя, знаю. Просто… ай, – он махнул рукой. – Я не смог обеспечить тебе лучшей жизни, не мне тебя и судить.

Я сделала два быстрых шага и опустилась на пол, сжав лежащую на коленях ладонь.

– Ты дал мне самую лучшую жизнь, папа, – ты дал мне право самой ее выбирать. И за это я всегда буду тебе благодарна.

Отец ничего не сказал, просто наклонился и молча коснулся губами моего лба.

Я вышла из кабинета в состоянии невероятной легкости и чувствовала себя сейчас, наверное, не менее счастливой, чем молодой лейтенант Рейвен. У меня прекрасная семья, у меня прекрасный мужчина, а чертово расследование сдвинулось с мертвой точки, и скоро мы обязательно найдем этого безумца-маньяка, и все поймут, что леди-криминалист – это звучит гордо!

У себя в комнате я села за стол и достала чистый лист бумаги. Чернильные строчки ложились на нее бодро и ровно:

Мой дорогой профессор Блайнт!

Я невероятно признательна вам за те сведения, что вы смогли добыть по моей просьбе. Они имели, не побоюсь этого слова, судьбоносное значение для того дела, которым я сейчас занимаюсь. А потому я смею просить вас о еще одном одолжении. Не могли бы вы выяснить для меня, остались ли еще в живых люди из ближайшего окружения господина Стэнли? Его ученик? Какие-то родственники, знавшие его лично?

Буду невероятно вам признательна!

С безграничным уважением,

Леди Эрилин Рейвен.

P.S. Надеюсь, Тед продолжает радовать вас своими успехами на магическом поприще.

Роль 11. Дознаватель

А на следующее утро весь состав криминалистического отдела был вызван в высочайший кабинет и поставлен перед грозные герцогские очи. И что-то подсказывало мне, что коллеги задолжали одной леди большую благодарность за то, что Кьер вчера спустил пар и разгромил библиотеку, потому что, судя по взгляду, он не против был бы разгромить еще и кабинет, а вместе с ним пару особо пустых голов, но запал уже пропал, увы-увы…

– Ну? – герцог обвел всех нас мрачным тяжелым взглядом. – И где результаты? Семь трупов, господа!

«И дама,» – по привычке мысленно добавила я, прикусив язык.

– Семь! А все, что я могу по этому поводу сообщить его величеству ограничивается словами «мы над этим работаем». И в их правдивости я начинаю уже сомневаться!

Весь суровый мужской коллектив стоял потупившись, как школьники перед учителем с линейкой, даже Трейт выглядел менее спесивым, чем обычно.

– Итак, господин Трейт, что вы имеете мне сообщить? – словно прочитав мои мысли, Кьер уперся взглядом в первого криминалиста. – Вы несколько месяцев назад заявили, что отделу не хватает специалиста, я нанял вам этого специалиста. И? Где результаты, я спрашиваю?

Я посмотрела на Кьера почти восхищенно – так метко надавить на самую больную мозоль человека это надо уметь!

– И я неоднократно уже докладывал, ваша светлость, что новый специалист с выполнением своей работы не справляется! – Найджел Трейт честно попытался направить начальственный гнев по иному руслу, но вот с выбором этого русла определенно ошибся. Даже если опустить то, что нас с Кьером связывает, не надо, ох, не надо было тыкать разозленному герцогу в то, что он где-то мог быть неправ…

– Так! – герцог выпрямился и так громко хлопнул ладонями о крышку стола, что все присутствующие вздрогнули под мелодичный звук звякнувших письменных принадлежностей. – С меня хватит! Я по горло сыт вашими внутренними разборками. Начиная с сегодняшнего дня вы, господин Трейт, представляете леди Рейвен полную свободу действий в работе, не чините препятствий и оказываете всяческую поддержку. И если через два месяца она не найдет убийцу – я ее уволю.

Я поперхнулась воздухом и тут же наткнулась на торжествующий взгляд первого криминалиста, для которого жизнь только что вновь заиграла яркими красками. Вот только ликование его длилось всего мгновение…

– А вместе с ней, – уже тише и спокойнее продолжил герцог, но от голоса его по спине пробежал холодок, – я уволю и всех остальных, потому что если за два месяца вы не найдете мне убийцу – на черта вы мне вообще все сдались?! Ясно?!

– Да, ваша светлость… – нестройно пробормотали коллеги.

– Свободны.

Кьер опустился обратно в кресло и принял такой вид, будто бы мы все только что растворились в воздухе и перестали существовать. Отдел криминалистики в полном составе согласился с таким положением вещей и покинул кабинет высокого начальства со всей поспешностью. Я морально готовилась к неприкрытой враждебности – в конце концов, если дело и впрямь дойдет до увольнений (в чем я лично глубоко сомневалась!) виноватой окажется кто? Леди! Но этим ожиданиям удалось оправдаться лишь наполовину. Другая половина испепеляла спину Трейта. Так что если бы взгляды на лету превращались в стрелы, мы бы оба были утыканы ими как ежи!

– Вы не выглядите опечаленной, леди Эрилин, – Ричи придержал шаг, спускаясь по лестнице, чтобы отделиться от основной массы криминалистов и прибиться ко мне, вечно идущей особняком.

– Не вижу причин для печали, – спокойно отозвалась я. – Два месяца – это не неделя. Печалиться я буду, если через месяц и три недели у меня на руках по-прежнему не будет ни малейшей зацепки.

– Откровенно говоря, вы выглядите так, будто они у вас уже есть, – Ричи посмотрел на меня с хитрым прищуром.

– Это почему же?

– У вас очень таинственный и загадочный вид.

– Разве таинственный и загадочный вид – это не обязательный атрибут каждой женщины? – отшутилась я.

– Хорошо, я поправлюсь – он еще более таинственный и загадочный, чем обычно. Признавайтесь, у вас есть идеи?

Я улыбнулась и манерно закатила глаза, жалея, что в руках нет веера, его мелкое трепетание у самого лица здесь просто напрашивалось.

А может, и правда рассказать? Одна голова хорошо, а две лучше. Кьер, конечно, тоже на моей стороне, но он начальник департамента, управленец, а не криминалист. Будь у меня напарник, возможно, и быстрее получилось бы распутать этот клубок. У Ричи голова на плечах имеется и закостенелыми предубеждениями он не страдает…

– Возможно, – осторожно ответила я, наблюдая за реакцией коллеги.

– Вот как! – патологоанатом сверкнул глазами и незаметно придвинулся ближе. – Расскажете?

А потом добавил непринужденно:

– Может быть, за ужином после «Лебединой песни»? Вы еще не видели эту пьесу? Говорят, шедевр сезона…

Настроение делиться рабочими откровениями было мгновенно убито. Ну зачем, Ричи? Зачем вам нужно было все испортить?..

– Извините, Ричард, – только и сказала я, зная, что он прекрасно поймет.

Хитрая улыбка сделалась слегка натянутой.

– Ну и правильно, – произнес он, несколько натужно пытаясь сохранить непринужденность. – Кто же так легко выдает тайные наработки? Желаю удачи вам в вашем расследовании, леди Эрилин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.